

НАШИ НЕЗАБЫТЫЕ ИГРУШКИ

Воспоминания

Медвежьегорск
•2021•

УДК
ББК

Сборник воспоминаний издан при финансовой поддержке

Н **Наши незабытые игрушки** / Сборник воспоминаний под ред. Романовой Е. П. – Медвежьегорск, 2021. – 88 стр. : фото, ил.

Эта книга – воспоминания людей разных поколений, чья память о детской игрушке сохранилась на всю жизнь. Многие игрушки прошли вместе со своими маленькими хозяевами через трудные годы лишений. Особый смысл приобрели игрушки в годы Великой Отечественной войны: это была связь с мирным прошлым, с домом и семейными традициями.

Книга предназначена для людей разного возраста – детей и взрослых.

© МКУ «МЦГБ» им. Ирины Федосовой, 2021

«... можно ли забыть свои игрушки? Особенно, если они вместе с твоим собственным детством прошли сквозь целую войну? И целый мир? Забыть можно многое. А игрушки забыть нельзя».

А. Лиханов «Незабытые игрушки»

К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне Медвежьегорская центральная городская библиотека имени Ирины Федосовой реализовала проект, идею и название которого подсказала новая повесть Альберта Лиханова «Незабытые игрушки» (журнал «Наш современник», 2020, № 4). Эта повесть заставила нас задуматься: какие игрушки были у наших читателей, помнят ли они их? Так появился наш проект.

31 автор из разных уголков Медвежьегорского района и Карелии представили свои живые и искренние строки о человеческих судьбах и переживаниях, потерях и памяти. Многие игрушки прошли вместе со своими маленькими хозяевами через все суровые испытания войны. Это была связь с мирным прошлым, память о семейных традициях и родных людях.

Проект получил хорошие отзывы, поддержку и пожелания продолжить его, раздвинув временные рамки до послевоенных лет, а также появилось желание выпустить небольшую книжку.

Благодаря финансовой поддержке неравнодушных людей выходит этот сборник. Спасибо им!

Большое спасибо преподавателям МБОУ ДО «Медвежьегорская школа искусств» Марине Анатольевне Бранд, Ольге Петровне Завилейской, Нине Сергеевне Лебедевой и их ученикам, а также семье Ригоевых из Сегежи за иллюстрации к воспоминаниям участников проекта.

*Елена Романова,
заведующая сектором краеведения Медвежьегорской центральной
городской библиотеки им. И. А. Федосовой,
руководитель проекта «Незабытые игрушки», редактор книги*

ГЛАВНЫЕ ИГРУШКИ ДЕТСТВА

*В карауле стоят игрушки:
Куклы, зайчики, погремушки.
И земля стала вечной няней
Тем, кто спит сейчас под камнями.*

Это – о детях, погибших в подземелье Аджимушкой, под Керчью. Мы с моим маленьким сыном видели эти игрушки, поклонились... А в бывшем селе Заречье Ленинградской области оставляют у памятника-печки игрушки в память о детях, сожженных вместе с их бабушками и дедушками, всего в том доме было 52 человека. В человеческих сердцах живет вера, что игрушки нужны детским душам и там, откуда не возвращаются. Так было всегда, может, сотни и тысячи лет назад.

И самые главные из игрушек невозможно забыть. Воспоминания о них вернули нас ненадолго в военное детство, в родные места, к свиданию с близкими. За перо взялись даже те, кто раньше никогда не писал. Воспоминания некоторых из нас записаны близкими людьми.

Все мы, авторы небольших воспоминаний, благодарим за этот проект сотрудников нашей Медвежьегорской центральной городской библиотеки имени Ирины Федосовой. И вместе с ними уверены, что этот маленький родничок детских воспоминаний пробьется к сердцам наших читателей.

С. Н. Анищенко,
от имени авторов

А. КРАСОВСКАЯ

УГОЛОК В САДУ

Детство свое помню с трех лет. Было оно бедное, воспитывалась я у бабушки Прасковьи Васильевны, так как родители мои уезжали все время на заработки в Воронеж. А жили мы в селе Кулешовка Сергеевского сельского совета Подгоренского района Воронежской области. Игрушек тогда не было и в помине.

Бабушка сшила мне из тряпок куклу. Так и игралась. Тряпичных кукол у меня было много, шила я их с бабушкой, и с бабушкой же шили им наряды, а я еще рисовала им брови и глаза. Рассажу их на русской печке и играю. А сколько было радости, когда отец мне привез из Воронежа голову куклы! Бабушка сшила тельце, ручки и ножки. Сшила ей наряд. Уже позже, когда мне исполнилось шесть лет, мама приехала за мной и привезла настоящую куклу. Большую, красивую, глаза у нее открывались и закрывались. Я ее водила по хате, разговаривала с ней. Подружкам она тоже нравилась. Они играли с ней только у нас в хате. А брату привезли игрушку коня, маленького, но был как настоящий, с гривой, двигающимися ногами.

А еще помню, как двоюродный брат, когда приехал к нам, смастерил в саду мне уголок, в нем сделал маленький настоящий сруб колодца, а ведро изготовил из маленькой тыквочки. В этом уголке мы и играли с братом. Я выносила куклу, брат – коняшку.

На Новый год, примерно в 1937–1939 годах, отцу дали пригласительный билет на елку, которая проходила в селе

Анна Ригоева, 11 лет

Иван Чуев, 14 лет

Бутурлиновка. Я читала там стихотворение и выиграла игрушку «прыгающая лягушка». И была очень радостная.

Помню еще, как с ребятами играли в лапту. А мячом служил сваленный из коровьей шерсти комок. Корову чесали и валяли мячик из шерсти. Им играли даже взрослые сельчане. Чуть позже отец привез из Воронежа настоящий мячик. Помню, половинка была сероватая, а вторая темно-серая, а на ощупь мячик был шершавый. Все дети звали меня играть, ни у кого не было настоящего мяча. А еще у меня была погремушка. Мне ее сделала бабушка. Она вычистила свиной пузырь, выкатала его в золе, высушила и набила зерном кукурузы и горохом.

Играла я с детьми в чурки. Теперь их называют городки. Родители пилили нам чурочки, мы и играли. А еще игрушками нам были красивые камушки. Мы их носили в карманах. У каждого было по пять штук. Собирались в кружок и по очереди подбрасывали на ладошках. Выигрывал тот, кто поймает их больше других. Скакали на веревках вместо скакалок.

Очень часто играли в классики. В кармане у каждой подружки лежали разноцветные стекла. Каждая прыгала со своим стеклышком.

Детство закончилось быстро. Началась война. Игрушек у меня больше не было. У нас в селе стояли и немцы, и итальянцы, и румыны. А мы прятались в землянках. Все ценные вещи закапывали в саду, а потом и не нашли куда. С 8 лет я уже топила с мамой печи в школе. В 1948 году мы переехали в Карелию.

*Анастасия Владимировна Красовская, 1930 г. р.,
г. Сегежа*

УТОЧКА РЕЗИНОВАЯ

Самая моя первая игрушка была магазинная – уточка резиновая. У крестной моей, тети Арсении, были игрушки привезены из Петрозаводска. Я говорю: «Крестная, подари мне хоть эту уточку на память», вот она и дала мне. Вот моя радость была – резиновая уточка!

Евгений Богданов, 13 лет

Долго я хранила ее. Не знаю, куда она потом делась, кто-то у меня ее украл, наверное. Потом мне сказали – Паша Филатова украла.

Я говорю:

– Паша, зачем ты у меня утку-то украла?

– Кто тебе сказал?

– Нина сказала, двоюродная сестра моя.

– Ой, ты знаешь, а я ведь ее подарила.

– Кому ты подарила?

– Кому-то в Ташкеницы, своей родне.

– Ты специально подарила, чтобы я у тебя не отобрала, увидела, так я бы отобрала.

Это было еще до войны. Может, мне было семь-восемь лет, не больше.

Деревянные игрушки были деланы у двоюродного брата, интересно так: за нитку дергаешь, и два мужичка молотком бьют. Вот так было сделано у Васи, двоюродного брата.

А у мамы была сделана во-от такая большая кукла: руки, ноги, голова не круглая, а продолговатая. И платья шиты были у мамы, все мама сама шила.

А одеялки и постель уже я сама делала. А Вася, брат двоюродный, делал мне кровать деревянную, вот это я помню. И все приходят и говорят: «Дай куклу поиграть». В Лубскую плотину возили. Мы с Ниной, двоюродной сестрой, украли два противогаза из ящика, вырезали и сделали такие пружины – люльку качать для куклы. От противогаза делали резинку, вешали корзинку и качали этого «ребенка».

*Наталья Ефимовна Галашева, 1932 г. р.,
п. Пиндуши Медвежьегорского района
Записала О. А. Галашева*

УТЮЖОК

Ксения Ерохина, 12 лет

Сколько лет прошло, а детские воспоминания сохранились. Из довоенных игрушек в памяти остались те, что папа привозил из Ленинграда, куда он часто ездил в командировки. Он был председателем артели инвалидов, в которой было четыре цеха: портновский, сапожный, часовой и квасная, где варили квас и пекли пирожки. Особенно запомнился литой из белого металла небольшой утюжок длиной 7–10 сантиметров, которым я гладила платья для куклы. Их я складывала в маленький чемоданчик. Из одной поездки папа привез голову куклы, сделанную из гипса. Туловище, руки и ноги мы сделали сами и пришили к этой голове.

Папа, как и дед, был мужским портным. Мне он никогда ничего не шил, а братьям шил. Может быть, папа и не стал бы портным, но дед мальчишкой его посадил за портновский верстак и научил своему мастерству. Дед ушел из заонеж-

ской деревни около Толвуи «в мальчики» в Питер, выучился на портного, состоял в гильдии портных. А в 1919 году вернулся в Заонежье. Мама работала в квасной, пекла пирожки. Перед войной отец построил дом в Южном поселке Медвежьегорска.

Мое счастливое медвежьегорское детство закончилось с началом Великой Отечественной войны. Через неделю после ее начала мне исполнилось семь лет. Нас, семью из семи человек, эвакуировали из Медвежьегорска в Кировскую область, город Слободской. Был сформирован целый состав. О том, чтобы с собой взять какие-нибудь игрушки, не могло быть и речи.

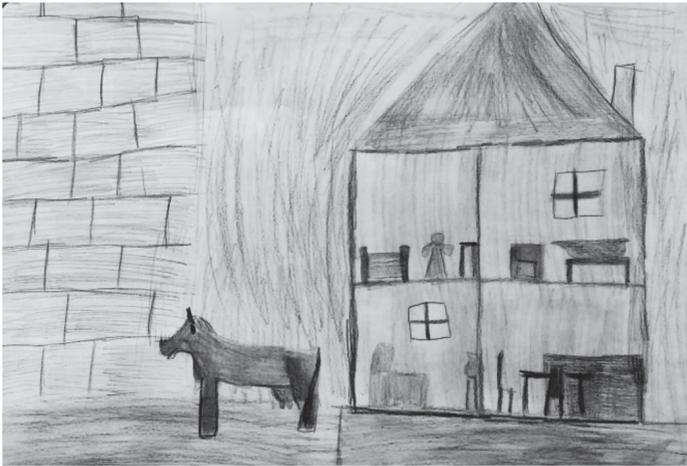
В эвакуации мама работала санитаркой в госпитале, папа шил обмундирование для бойцов. В Кировской области я пошла в первый класс. В 1943 году нас эвакуировали в Сегежу. Даже не знаю, почему мы оказались в Сегеже. Наша школа располагалась в здании управления комбината. Рядом со школой была воронка от бомбы. Иногда раздавался звонок воздушной тревоги, и мы покидали школу. А в здании школы размещался госпиталь.

В 1944 году мы вернулись в Медвежьегорск. От вокзала я побежала в Южный поселок. Но была очень высокая трава, я заблудилась и вернулась на вокзал. Потом оказалось, что в нашем доме финны разместили сапожную мастерскую. Весь пол в кухне был изрезан. В послевоенные годы нашими игрушками были разные черепки.

*Тамара Леонидовна Андрианова, 1934 г. р.,
г. Медвежьегорск*

СКАЗОЧНЫЙ ДОМИК

Анна Николаевна родилась 5 октября 1934 года в большой семье, где было девять детей. Дедушка Анны по маминной линии – Григорий Гавриилович Мартынов – был хорошим мастером-краснодеревщиком. Для семьи в деревне Могучево он построил дом с паркетными полами и зеркальным потолком, украшенный резьбой и росписью. А для своих дочерей, Ольги и Марии, смастерил чудесный игрушечный домик и к нему набор разных деревянных игрушек.

Виктория Щербакова, 6 лет

В домике было все: паркетные полы, печка, лавки, стол, кровать, посуда, домашние животные, люди. Можно было накрывать стол, поить чай гостей, заправлять кровать, кормить собаку, выгонять на траву корову, привозить к домику

Иван Чуев, 14 лет

сено... В памяти Анны остался этот удивительной красоты игрушечный дом. В марте 1938 года отца Анны арестовали. Началась война. Пришедшие в Заонежье финны выселили семью из дома, а перед тем, как уйти, разобрали и вывезли дом и все, что в нем было, в Финляндию. Вернувшейся в родную деревню семье пришлось жить в картофельной яме, бане. Было голодно и холодно. Детство у Ани закончилось после окончания 4 класса Паяницкой школы: надо было помогать маме кормить семью. Об игрушках остались только рассказы матери.

*Анна Николаевна Зиновенко, 1934 г. р.,
д. Шуньга Медвежьегорского района.
Со слов автора записала Л. А. Катаргина*

ПОДАРОК

Кристина Карпина, 15 лет

Моей маме Анне Прокопьевне дали медаль «Мать-героиня». В семье было 9 детей, хотя я была рожена четырнадцатой, в 1935 году, но ребятки умирали. К медали дали премию восемь тысяч, это были большие деньги. Купили мне подарки: куклу и пальто. Это было перед войной. А так мы сами делали тряпичных кукол, шили головушки.

Кукла была большая, красивая – личико, волосики. Помню, что эту куклу я везла с собой, когда мы из Кумса-Губы на лошадке ехали в Архангельскую область в эвакуацию. Куда она

потом делась, не помню. А в новом пальто я пошла на улицу играть. Где-то зацепилась за гвоздь и порвала. Ох и досталось мне за пальто! В Архангельской области жить было совсем худо. Помню крутую речку. Я пошла в первый класс, ходила в школу в «цыганских» ботинках, почему-то их так называли, с крючками какими-то были.

После войны нашими основными «бобками» – игрушками – были черепки битой посуды, искали их в старых домах.

*Евдокия Федоровна Хлебина, 1935 г. р.,
г. Медвежьегорск*

О. ЗАВИЛЕЙСКАЯ

КАК БУМАЖНЫЕ КУКЛЫ ТАНЦЕВАЛИ

Моя бабушка много рассказывала о своём детстве. Счастливом довоенном и трудном военном. Рассказы были очень увлекательными, яркими, с живыми подробностями. Слушать было всегда очень интересно. Многие об истории нашего края я узнала именно от неё, очевидца и невольного участника событий прошедшей войны. Бабушка предположительно 1933 года рождения. Она прибавляла себе возраст при восстановлении документов, чтобы взяли на работу. Семья Меньшиных проживала в Медвежьегорске. Родители бабушки были родом из Заонежья. Жили хорошо, дружно. Семья была многодетной, пятеро детей, бабушка была младшей. Когда началась война, отца семейства Ивана Ивановича (ещё бы год и он не попал бы по возрасту) и старшего сына Василия, на тот момент начальника гужтранспорта Медвежьегорска, забрали на фронт.

Мать моей бабушки Анна Ивановна осталась на сносях. Родив ещё одну дочь в августе 1941 года, она с детьми, сыном Павлом и дочерьми Марией, Валентиной, Тамарой и Галиной, пешком отправилась в Заонежье. С коровой на привязи и с грудным младенцем они шли в деревню Быково несколько дней. Покинувшие родной дом, оставившие всё имущество, они шли движимые надеждой, что ближе к земле прокормиться и выжить будет легче. Пришли, а вскоре в деревне появились финны. Началась оккупация.

Всё, что было взято с собой, быстро закончилось: приходилось выменивать на еду вещи, предметы обихода из родительского дома Ивана Ивановича. За чугунок картошки пришлось отдать подушку. Корову зарезали и мясо спрятали, так как финны отбирали весь скот. Было запрещено покидать пределы территории, ограниченной оккупантами, переправляться через озеро, потому что там были партизаны. Враги очень их боялись. Скоро вокруг деревни в лесу не осталось ни грибов, ни ягод – всё было собрано. Наступил голод. Бабушка, вспоминая это время со слезами на глазах, говорила: «Самое страшное в жизни – это война! Голод... И не дай Бог такого никому».

Установив свои порядки, оккупанты продемонстрировали и своё отношение к людям. К русским финны относились очень плохо, а к карелам иначе, гораздо лучше. Называли их «наши лесные братья». Были среди местных и те, кто перешёл на сторону врага. Были и смелые партизаны. Женщинам и детям приходилось выживать. Финны опасались вспышки брюшного тифа и однажды устроили «рейд» по домам. Финки обрили наголо и бабушкиных сестёр. Она в это время куда-то уходила, а по возвращении нашла своих сестёр лысыми и рыдающими навзрыд. А те, увидев её голову с нетронутыми волосами, заревели ещё пуще. И смех и грех, как говорится.

Дети вынуждены были попрошайничать еду у финнов, ухитрялись без хороших снастей ловить рыбу. Высушенные косточки рыбы перетирались в муку, из которой лепились котлетки. Со слов бабушки, получалась безвкусная гадость. Ели, а куда деваться от голода?.. Выжили, как я полагаю благодаря воистину героической прабабушке Анне Ивановне. Очень смелая была женщина, в деревне трудиться приученная с детства и труда не боявшаяся. И лён сама вырастила, и с него одежду детям своим соткала. Научила детей щёлок делать и мыться им.

Александра Завилейская, 15 лет

Однажды даже рискнула она вопреки запрету тайком переплыть на другой берег озера, чтобы набрать ягод и грибов. Она умудрилась заткнуть пробойну в лодке, нарочно сделанную врагами. Бабушка моя с ней была. Насобирали столько, что лодка просела, думали, перевернётся. Только собирались отчалить, как из леса вышел мужчина. Прабабушка Анна, охнув от неожиданности, аж села. «Не бойтесь, мы свои! Партизаны! Расскажите, что там, в деревне, делается?»

Рассказали. А когда обратно приплыли, то уже на берегу поджидал полицейай, местный мужик. Пригрозил расправой, но не выдал.

В деревне финны иногда устраивали танцы для своих солдат. В одном из домов местных жителей. Туда они приносили патефон, пластинки, созывали девушек и устраивали пляски. Дети

заранее сбегались на эти мероприятия. Забирались на русскую печь и оттуда сверху с интересом наблюдали за танцующими парами. Только наблюдениями дело не ограничивалось. Из бумаги бабушка и её двоюродная сестра вырезали бумажных кукол. Одних в виде солдат в финской форме, а других – в платьях, это были девушки. Репертуар вечеринок был разнообразный, чаще бабушка рассказывала про одну, наиболее популярную у финнов песню. Она называлась «Карельский парень», на финском она звучала как «Пойга карьела». Со слов бабушки, движения танца были забавными: танцующие вставали напротив друг друга и смешно, по мнению детей, подпрыгивали. А в это время на печке дети повторяли этот танец со своими бумажными куклами. Вот такие незатейливые игрушки, вот такие игры.

*Ольга Петровна Завилейская, 1977 г. р.,
г. Медвежьегорск.
По воспоминаниям бабушки Т. И. Крыловой*

МУРАШКА

1989 год. Выглянешь в окно – дети играют в машинки, катаются на велосипедах, в песочницах копаются. Шум. Гам. Крики с балконов: «Даша, домой, Кирилл, домой, Игорь, домой!»

2020 год. Выглянешь в окно – одни машины. Разные, богатые – детей нет. Где они?!

Уже 75 лет Победы с войны. Спросили у мамы: – Как вы, детки, жили в это страшное время?

– Пóй как! Вóйна нáчалась, мама наша, Парасковья Яковлевна Багрова, всех сóбрала сво́их дíteй к сяби в деревню. В Черкассы, в дом свой. И няньку Анну Ивановну Мартынову с дítьми с деревни Калозеро, что около Космозера. Мама си́льна бы́ла, всех приветила, как мо́гла кормила. А нас – Маня, Надя, Володя, Катя да четверо нянькиных! Брат Володя на вóйну нá попал. Бо́лел, ня взяли. Пóмогал матери. На охоту, рыбалку, в лес с собакой хóдил. Собаку Мурашкой звали. Так финны, как пришли, всех сóбак сразу убили. Пой зá что?..

Вó што играли? На пéчи сíдим, помню, и играем с собачкой: бронзова, красива бы́ла, ма́ленька. Так мы с Лидой её Мурашкой и звали, как нашу собаку. Нá всю жизнь запомнила ю (её). Пой кúды пóтом делась. Потерялась.

Сережа, нянькин, вертушки деревянные делал, так мы с им (ним) на крыше всё сидели. Так играли. А áща (ещё) из сýндука, большого, кованого, мамины свадебны наряды брали. Наряжались и перед зеркалом красовались. Кукол из тряпок делали, на ангелов похожих. Сíдим играем. Вот так.

И маму помню. Утром зíмой согреет сáмовар, маленький та́кой, подымет нá печь и чай пьёт. Вон плíта, нá ей пíла. А пóтом на работы б́яжит. Рано сóвсим. Да вси так жили.

Александра Завилейская, 15 лет

Ня одны мы. А пóтом, в 44-м году, мама пóмерла, пóтом Надя с Володей. Бяда. Осиротели. Не до игрушек стало.

*Анастасия Федоровна Егорова, 1934 г. р.,
г. Медвежьегорск.
Воспоминания автора записали ее дочери
Людмила и Галина*

ВЕЛОСИПЕД

На наше детство выпали военные годы. Нас было трое детей – две сестры и брат. Разница с каждым между нами была по четыре года. Когда началась война, у нас в деревне Унице были военные, много. Мы ничего не понимали. Началась эвакуация. Из Кяппесельги мы долго ехали в теплушках. Как-то раз нас бомбили, поезд остановился, и все бежали в лес. Со слов взрослых, была сброшена бомба на железнодорожный путь, а мы сидели в лесу. Вероятно, летчик был добрым, в людей не стрелял. Когда нас отправили дальше, не помню.

Однажды на станции мама вышла из вагона. Поезд тронулся, а мамы нет. Я очень переживала. На следующей станции

Александра Сухова, 15 лет

мама, успевшая в последний вагон, пришла к нам. Прибыли в Челябинск, нас развезли по селам. Жили мы в татарском ауле, мальчишки ездили на лошадях, а мы, девочки, были предоставлены сами себе. Мама работала на уборке зерна. Бегали к ней на работу. Зерна было много, убирали зерно лопатами. В школу пошли, бумаги не было, писали на серой бумаге. Игрушки у нас были примитивные, какие-то тряпочные куклы. Книг тоже не было. Мы много ходили к речке, в лес за ягодами, диким луком и чесноком.

После войны приехали в Карелию. Пошли в школу. Мальчишки сделали из досок грузовую машину и играли по очереди. Папа пришел с войны, и мы переехали в Кондопогу, пошли в новую школу. Пасли коз, кормили кур, дома надо было сделать все дела. Играли в лапту. Соседским двум мальчишкам купили велосипед. Они дали мне прокатиться. А я упала и сделала на велосипеде «восьмерку». Мальчишки так и не смогли исправить. Я все боялась, что они расскажут маме, а у мамы нет денег заплатить. Позднее один из мальчишек, которому я нравилась, сказал: «Инна, мы тебя не выдали». Вот такие развлечения у нас были.

В 1947 году родился брат – появилась моя живая кукла. 1947–1950-е годы были очень тяжелые. Сестра стала болеть, она умерла в 1948 году. Перед смертью она попросила маму купить две буханки белого хлеба. Мама как-то смогла купить хлеб...

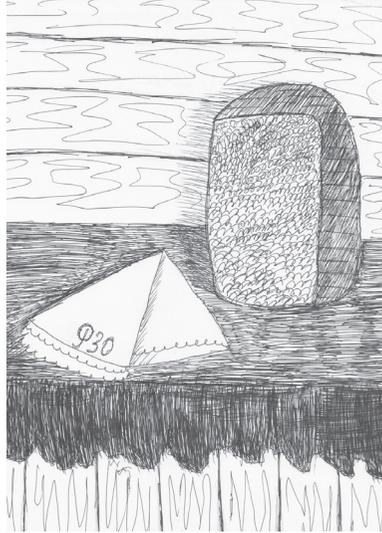
Детство проходило в работе, учебе. Очень благодарна одноклассницам, особенно Людмиле, она много помогала по литературе, русскому языку. После школы мы ни разу не встретились.

*Инна Ивановна Рябкова, 1935 г. р.,
г. Медвежьегорск*

ПОДАРОК ОТ БРАТА

Я родилась 10 января 1936 года. Дату рождения не знала до 16 лет, пока не получила в поселке Лоухи паспорт. Мама отмечала мой день рождения в Татьянин день. Не помню, чтобы мне дарили подарки. Мама напечёт пирогов, чаю попьём и весь праздник. Мы жили в деревне Кажме, нас у мамы было восемь детей. Младший брат Вася родился перед войной. Бабушка меня и сестру годом младше Тоню почему-то называла «две кубачи соломенные». До войны мы часто играли на сарае у подружки Лиды Багаевой. Зимой заберёмся у них на печь, а её бабушка нам рассказывает сказки. Эвакуировали нас в Пудожский район.

Тоня, Вася и обе мои бабушки умерли. Помню, брат Борис учился в ФЗО в Сегеже, привёз мне в подарок красивый носовой платочек с буквами. Я его выменяла на кусочек хлеба. Из эвакуации вернулись в разорённый дом, я пошла в школу. А игрушки... пальтушку или пиджачишко завернём в платок – вот и кукла получалась самодельная.

Алёна Петрова, 14 лет

*Татьяна Николаевна Тулякова, 1936 г. р.,
д. Лумбуши, Медвежьегорский район*

КАК МИШКА МЕНЯ СПАС

Я дитя войны. Было мне четыре года и три месяца, когда началась война.

В довоенные годы помню только одну игрушку – любимого медвежонка Мишку. Я с ним не расставалась. Мы жили в двухэтажном доме в Медвежьегорске. Однажды я забралась на подоконник с Мишкой и упала со второго этажа. Внизу была куча песка. То ли она меня спасла, то ли Мишка. Меня с ним принесли на руках в больницу. Это Захарьевский поселок, больница была рядом. Несколько дней я молчала, и врачи просили меня не беспокоить расспросами. А потом, заикаясь, я заговорила... с Мишкой. Думали, что я так и буду заикой, но все обошлось.

Мишка опять помог!

Во время эвакуации Мишка потерялся. Бабушка сделала мне из тряпок маленькую куколку. Вот с ней я играла и вела длинные разговоры на свои детские темы. Игрушек не было, а игры любимые были. Всегда играла в «семью», «школу», «столовую», «больничку», «войнушку». Я была большой фантазеркой. Когда подросла, игрушки делала из всякого ненужного материала – лоскутков, старой газетки, глины... Помогала мне в этом моя старшая сестра.

Виктория Ладыгина, 14 лет

После войны, когда мы вернулись из эвакуации в Медвежье-горск, мне мама купила головку куклы, пришила к ней туловище, ручки, ножки, набила их ватой, нарядила куклу. Я была счастлива! Очень жалею, что не сохранила я единственную в моей жизни куклу.

Каждое лето каникулы я проводила у бабушки в Суне. У них был небольшой дом с высоким крыльцом. От крыльца до изгороди огорода метра два. Дедушка сделал крышу, дверь, внутри столик, скамейку. Получился домик для игры. Ко мне приходили подружки, и начинались игры. Мы варили, пекли и угощали друг друга понарошку тем, что было под ногами, – травой, песком, камушками. Посудой нам служили разные красивые черепки. После войны их много было на развалинах домов. Мы наряжались сами и наряжали своих кукол, устраивали концерты для себя. Взрослые редко видели нас, у них свои заботы – работа.

Как во время войны, во время эвакуации, так и после дети были предоставлены сами себе в свободное от трудов время. А трудились мы много. Всегда вместе с мамой. На ферме моими игрушками были телята, козлята, поросята. Помогала кормить, поить, убирать за ними. В поле помогала маме зарабатывать трудодни на посадке и уборке урожая. Выполняли посильную работу, пололи, собирали колоски. Конечно, нам давали время поиграть. Нас, детей, там было много. Игры придумывали, игрушки делали сами. Я дружила больше с мальчишками. Они, и я вместе с ними, все что-то вырезали из палочек, делали рогатки, пистолетики. Потом играли в «войну». Немцами никто не хотел быть, назначали по жребью или по считалке. Русские всегда побеждали!

*Глафира Павловна Иванова, 1937 г. р.,
г. Петрозаводск*

ПОДАРКИ ОТ СОЮЗНИКОВ

В Медвежьегорске я живу с июля 1957 года, а моя родина – Псковщина, известная каждому россиянину. Родилась я 12 августа 1937 года в деревне Лопатино. Помнить себя я начала с момента эвакуации. Мой отец Иван Степанович Степанов работал в сельском совете. Наша семья и семья председателя Совета Васильева должны были уехать дальше в тыл. Взяв с собой троих детей, корову-кормилицу, родители покинули родную деревню.

*Двадцать пятого июня, на четвёртый день войны,
Запрягли коня в телегу, спешно выехали мы.
Родственники причитали, провожали до угла,
Мама с папой увозили нас неведомо куда.*

Из Пушкинских Гор наши две семьи отправили дальше, была длинная дорога под открытым небом в течение двух месяцев. В конце августа стало холодно, пошли дожди. Доехали до города Удомля Калининской области, наши семьи отправили в деревню Курово.

Ольга Щербакова, 17 лет

Отца еще раньше призвали на фронт. Мне исполнилось четыре года, брату – семь, сестре было десять лет. Старшие пошли в шко-

лу. Маму устроили на работу в чайную. Там кормили военных, рабочих на заготовке хлеба, леса для фронта. Садика в деревне не было. Меня оставляли дома одну. Однажды прибежал к маме на работу председатель колхоза. Он проходил мимо дома и услышал сильный плач ребенка. Дверь в доме была закрыта. Подошли к дому, было тихо. Зашли в дом и увидели такую картину: на голом полу спала я. На обутую ногу в ботиночке я надела чью-то большую обувь, а снять не могла, ходить тоже не могла. Измученная, наплакавшись, здесь же на полу и уснула.

Став постарше, я подружилась с девочкой из соседнего дома. Звали ее Нина. Меня принимали хорошо в их семье. Это была большая помощь мне и маме. Игрушек у них было разных. Вот мне мама здесь сшила куклу из тряпок, нарядили ее. Она мне долго служила, радовала. Не помню, в каком году поступали посылки с одеждой от союзников из Англии и Америки. Пригласили маму вместе с детьми в сельский Совет, где выдавали одежду. Брату дали ботиночки и брюки зеленые на ляпочках. Мне и сестре – по кофточке белой с мелкими синими и красными цветочками. Из своего платья мама сшила сестре юбку, а мне – сарафанчик на ляпочках. Мама рассказывала нам, как 1 мая она шла с нами нарядными на площадь. Шли с нами подружка моя Нина с мамой, которая сказала моей маме: «Маруся, хороша моя Нина, а Надя твоя лучше». За все это тяжелое время эвакуации мама почувствовала себя счастливой, порадовалась за своих детей.

В День Победы весь народ сбежался на площадь. И я была там вместе с мамой, сестрой и братом. Своими глазами видела всю радость и слезы людей в эти минуты. Я в семь лет была свидетелем исторического Дня Победы 9 мая 1945 года!

В конце мая наши семьи отправились на родину. Подали состав из товарных вагонов. Мы погрузились, и наших коровок отправили с нами. Впереди нас ждали тяжелые испытания, послевоенные годы голода и нищеты. В доме было пусто:

Кристина Карпина, 15 лет

голые стены, деревянные кровать да стол. 1 сентября 1945 года вместе с сестрой и братом я пошла в первый класс.

Уже дома мама сшила мне новую куклу с настоящей головкой, остальное всё шили сами из тряпок. Любимая игра у нас была в деревне – лапта. Как только снег растает, мы на улице, все лето босиком, было легко и удобно. Качели, скакалки – наши игры. Игрушки для елки на Новый год делали сами. Конфеты

делали из сладкой белой свеклы – такой появился сорт. Фантики сами раскрашивали и вешали конфеты на елку. На школьных праздниках много пели разных песен всех времен. В нашей деревне радио и света не было.

В 1965 году мы с мужем и сыном трех лет приехали на родину к старенькой тете моего отца Дарье Ивановне. Она так рада была встрече, не отходила от малыша. Мне говорит тихонечко: «Наденька, твои игрушки сохранила, в ящичке привезла сюда, может, тебе что нужно, посмотри». Меня все это так растрогало. Я не помнила, что там есть в ящичке, а она все время помнила меня, любила, хранила память о моем детстве.

*Надежда Ивановна Мартынова, 1937 г. р.,
г. Медвежьегорск*

МОЯ ЖИЗНЬ НА СТАНЦИИ МАЛОШУЙКА

Мне исполнилось всего три годика, когда началась война. Это было в Масельгской. Нас эвакуировали в Сталинградскую область, в город Урюпинск. Ехали мама моя, ее папа – мой дедушка Михаил Константинович, я и другие из нашего городка. В товарном поезде, в товарном вагоне... По дороге я заболела, нас с мамой высадили на какой-то станции. Дедушка тоже болел, но его оставили в вагоне. С нами ехала мамина сестра Лидия Михайловна с детьми. С ней дедушка и остался. Но как мама после выписки из больницы нашла свою сестру, я не представляю! Но мы жили вместе.

В Урюпинске мы снимали в квартире комнату. Дедушка вскоре умер. Там его и похоронили. Сумели снять комнату благодаря маминой сестре. Она была с хитринкой и задоринкой: сумела убедить хозяйку квартиры, что нас немного, что детей почти нет... Мы спали все вповалку на полу, нас было 8–10 человек. Так мы прожили до момента, когда немцы должны были войти в город.

Мы с мамой поехали на север. Успели на поезд, который вез разбитые танки и самолеты на ремонт куда-то в глубину страны. Я помню, что мы ехали на открытой платформе, на которой стояла наша разбитая техника. Мама сидела, упершись ногами в борт платформы, а я – у нее на коленях. И темная ночь. На небе много звезд. Как-то мы добрались до Архангельской области. Станция Малошуйка. Тут мы жили какое-то время.

Мама работала бухгалтером в шесть километрах от дома. Соседский мальчик Вова оставался со мной. Однажды,

Анна Гуцина, 14 лет

это было в июле 1943 года, мы захотели погулять. Вышли на улицу, но солнца не видно было, дышать нечем. И мы с ним опять в дом. А оказалось, что это наш дом уже горит. Одинаковых барачков было несколько. Наш – последний. И все уже сгорело. Если бы не женщина из пожарной охраны, нас бы не было в живых! Она нас вынесла на поляну, где все собрались. У нас все сгорело: одежда, документы, фотокарточки – все, абсолютно все. Прибежала мама. Паровозные гудки гудели без конца. Но шесть километров надо было пробежать... Потом мама видела свое осеннее пальто на ком-то. Но оно оставалось там же, у тех же людей. А у нас ничего нет. Жить негде.

Не знаю, где мама жила, но меня она отдала в круглосуточный детский сад. Неделями мы не виделись, а в воскресенье на некоторое время она приходила в детский сад ко мне. А потом мы снова расставались на неделю. Помню игрушки в детском саду, кукол. Однажды воспитательница гладила белье, а я потянулась за игрушкой. Воспитательница дотронулась утюгом до моей руки. Был ожог.

Мы вернулись в Карелию в 1944 году. Приехали мы в Кемь, где жила папина сестра. У нас не было радио. Однажды через стенку от соседей мы услышали радостную весть об окончании войны. В этом же 1945 году мне исполнилось семь лет, и я пошла в первый класс. В 1947 году, через 10 лет после ареста, вернулся мой папа, и мы переехали в Медвежьегорск.

*Анна Георгиевна Мишина, 1938 г. р.,
г. Медвежьегорск*

ПАНКИ

Помню себя с конца 1944 года. Дома постоянно находилась одна, брат и сестра работали, хотя брату было 14, сестре только 12 лет. Отец ушёл на войну в феврале 1942 года. Мама в то время работала в сельском совете председателем, а до этого была учителем начальных классов. Она всегда была на колхозных работах, проводила агитационные мероприятия с жителями деревни.

В моём голодном детстве любимыми игрушками были деревянные куклы. У нас в Архангельской области их называли «панки». Эти панки делал мне брат. Лица выжигали с помощью раскалённых гвоздей, а на голову разные тряпочки подвязывали. Очень красивые куклы получались. Ещё в лесу находили разные пеньки, разукрашивали их углями. Других игрушек у меня не было. Но у меня была надежда, что вернётся с войны мой крёстный и привезёт мне большую куклу. Всё время ждала, но крёстный с войны не вернулся. А ещё брат сделал мне санки и лыжи. Особо меня из дома зимой не пускали на улицу, проблема была с тёплой одеждой и обувью. А морозы на нашем севере достигали до 40 градусов, поэтому сидела на печке.

Отца сначала призвали на Карельский фронт, а вернулся домой уже из Гданьска, Польши. К нам бот (лодка) пришёл. Сестра дома была, а мама с братом ушли в Летнюю Золотицу. И кто-то к нам домой пришёл и сказал: «Нинка, ваш отец пришёл с войны». Она поехала на лодке и вывезла его домой. После войны он работал засольщиком рыбы, у него был диплом мастера рыбообработки.

В 1946 году я пошла в первый класс. Мне сшили платье из оранжевой ткани, которая называлась тиком, а брат сделал деревянный чемоданчик с крючком. Покрасили также в оранжевый цвет.

Анастасия Сковорода, 15 лет

Я, наверно, была самой яркой девочкой, наряженной в такой цвет. А материал этот – гуманитарная помощь от американцев.

Так я проучилась дома четыре года, а дальше жизнь моя началась по интернатам. Три года в одном месте – за 25 километров от дома, три – в другом, за сто километров от дома. Интернаты были наподобие общежития, там всё делали сами. Учёба в средней школе с 1953 по 1956 была платная – триста рублей в год. В 1956 году отменили платное обучение.

С военного времени помню, как переселенцы приехали на баржах. Потом им дезинфекцию тут делали. Выкопали

что-то вроде землянок. Там выпаривали одежду. Потом им в Конюхово бараки построили, и в этих бараках они жили.

Тюленей били, рыбу ловили, огороды разрабатывали. А потом после войны они уже уехали, несколько семей остались. Я ещё училась в семилетке с некоторыми детьми оттуда. Вместе ели тюленьи лапы. До сих пор не могу видеть рыбий жир.

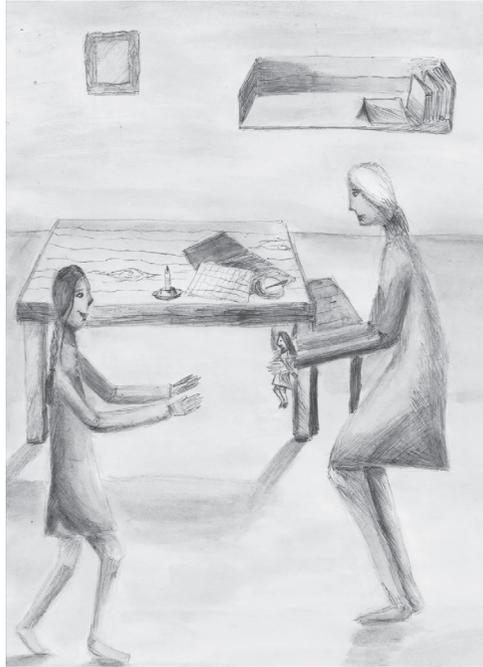
Вообще, жили голодно, приезжали налоговые агенты и всё забирали. Если нет своего хозяйства – надо всё покупать. Я ела кожуру сушёную от картошки вместе с мышами. Находили, когда перекапывали после зимы. На Большой горе корешки росли. Их выкапывали и ели. Мне до 17 лет есть хотелось. Я 10-й класс оканчивала, думала, никогда сытая не буду. Продолжать можно без конца, а дальше уже другая жизнь.

*Лидия Феокистовна Зуева, 1939 г. р.,
г. Медвежьегорск*

ТРЯПИЧНАЯ КУКОЛКА

В тот год я пошла в первый класс. Но опоздала в школу к 1 сентября. Жена маминого брата взяла меня в гости в Вологду, в село Голяши. Мне там сшили тряпочную куклу. Она мне очень запомнилась как подарок от родственников. Кукла была из старых тряпочек, лицо из старых полотенец, нарисовано, кофточка, юбочка или сарафанчик, носочки и туфельки из другого материала и косичка. Кукла мне так понравилась! Я ее качала, одевала. Тогда все прокалывали уши. Говорили, что уши будут протыкать, приглашали всех в баню. Все девочки пошли, и я пошла. Вставили в уши веревочки. У меня уши стали нарывать. Тетя расстроилась, сняла веревочки. Так я серьги и не носила. Сережек у нас не было, семья у нас большая, до войны было четверо детей и двое после войны. Я опоздала в школу из-за погоды, пароход не пришел. Расстраивались все.

Старшая сестра Лина заболела, лет восемь ей было. Летом 1941-го ее отвезли в санаторий

Арина Кокорева, 12 лет

в Сортавалу. Когда ехали назад, уже объявили мобилизацию. Санаторий эвакуировали в Вологодскую область, в город Кадников. Он стал называться детским домом. Их там всему учили, Лина все умела делать. Мы увиделись с Линой только после войны, в 1945 году. Папа привез ее домой.

Взяли его в армию в 1941 году, призывной пункт был в Шелтозере. Папа попал в плен в Финляндию. Плохо их кормили, а работы было много. Когда пришли финны, мама работала в финском госпитале помощником повара. Мой старший брат Валерий (ему было пять лет) наступил на гвоздь, началось заражение. Ему сделали операцию в госпитале, вылечили. И младшего брата Леню из-за дистрофии взяли на койку в госпиталь. Продукты в госпитале хранили в больших ларях. Одна женщина взяла немножко продуктов, украла. Ее сильно побили финны, говорили: «Ты бы попросила. Воровать нельзя, у нас нету воров».

В 1944 году Валера учился в финской школе. Учителем был финн по имени Вальтер. После войны два финна приходили в школу, спросили, живы ли ученики Вальтера. Ему было уже 90 лет, он спрашивал, помнят ли его, просил написать.

Нужно было с финнами при встрече здороваться «хювя пйвя». Брат не поздоровался с финскими солдатами и женой коменданта, которая учила в школе, и спрятался от них под мостом. Его вытащили и 40 раз за ухо наклоняли к земле. Его уже мутить стало. Мама просила отпустить его. Финны сказали, чтобы она не вмешивалась, пусть запомнит, что нужно здороваться. Ребят в школе наказывали, били линейкой по рукам. Раз кто-то украл морковку с грядки, наказали весь класс.

Финны везде оставили противотанковые мины. В 1944 году пошел дедушка за удочками. И только одну удочку срубил, подорвался на mine. Ногу оторвало, истекал кровью. Уже наступали наши со стороны Вознесенья, военврач осмотрел деда, была большая потеря крови. Дед умер. Врач удивился, что

у деда все зубы целы, было ему 70 лет. Врач сказал, что он прожил бы до 100 лет. Дед был вечный рыбак. Из-за рыбы и зубы все были.

Деду до войны «чернокнижники» нагадали. Сказали, что он погибнет военной смертью. Дед сказал, что он старый, воевать не возьмут. Он у нас был с юмором. Спросишь:

– Дедушка, сколько часов?

– Девка, у меня одни часы.

Сосед, 15-летний Игорь, подорвался на mine, на куски разорвало. Они с другом обкладывали мину камнями, чтобы никто не наступил. После финнов много всякого оружия осталось, ребята собирали его.

Не помню, чтобы у нас были игрушки. В ясли-сад мы не ходили. Кушать очень хотелось. Лина не понимала и не говорила по-вепски. А мы все говорили. Она жаловалась маме, что мы опять говорим по-немецки. Мы финский язык знали лучше, чем русский. В финской школе учили.

После войны нас учила старенькая учительница Евдокия Ильинична Исполатова. Она 45 лет работала в школе. И учила только первые классы. Она говорила родителям, чтобы обязательно учили девочек русскому языку.

Папа начал строить двор, хотели корову купить. Стоит на лестнице, просит принести паклю. А я и не знала, что это за пакля, думала, палка какая-то. Я пошла искать, говорю папе: «Никакой палки нет». Папа заругался, сказал, где лежит, иди и принеси. До сих пор запомнила, зачем нужна пакля.

*Евгения Ивановна Фотеева, 1939 г. р.,
с. Рыбрека, Прионежский район*

ЛЯЛЯ И БОБКА

Игрушки... Они идут с нами всю жизнь, а детские игрушки формируют и душу. Моя мама Надежда, Надя, 1918 года рождения, выросла в большом алтайском городе Барнауле. Она очень часто рассказывала мне о своей подруге Вале Завьяловой. Они дружили все детство и юность и во время войны.

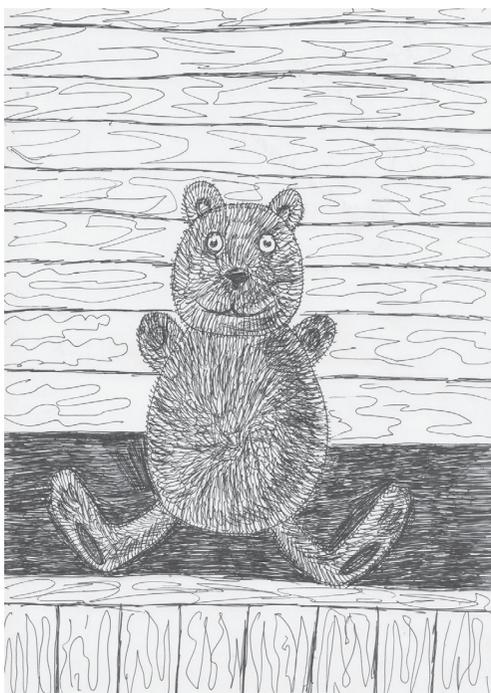
Естественно, дружили и ходили друг к другу в гости и их родители. Как только заканчивалось учебное время, начинались игры в куклы, которые продолжались неделями: куклы собирались, уезжали на дачу, там жили, возвращались обратно в город – всё в игре. Какие были куклы, рассказывала бабушка Анна Николаевна, она была рукодельница, шила прекрасно. Тогда, в 30-е годы, продавали кукольные головки, они были красивые, фарфоровые, а тельце создавала сама мастерица: набивала его ватой и пришивала ручки и ножки. Потом куклу одевали. У Нади куклы всегда имели красивые платья, пальто, шапочки и обувь. Потом это имущество перешло ко мне.

Свою первую куклу я никогда не забуду. Ее звали Ляля. Папа подарил мне ее в 10 месяцев, купил, когда мы ехали через Москву в Мелитополь в мае 1941 года и на несколько дней остановились у родных. За эту покупку его все ругали: «Зачем ты даришь маленькому ребенку такую дорогую куклу? Она ее растреплет, и ничего не останется!»

Но оказалось, папа был мудрее опытных женщин. Ляля радовала и занимала меня всю войну и в послевоенное время. Сделана она была из целлулоида, поэтому была легкой, размером сантиметров 25, очень красивое личико, улыбающийся ротик приоткрыт, и чуть виднеются белые зубки. Ручки и ножки у нее двигались. Можно было ее посадить и поставить,

головка поворачивалась. Глаза у куклы были карие, как у меня, а волосы светлые, и можно их было чесать. Но я ее с волосами не помню, видно, быстро отклеились. Это была моя главная игрушка. Конечно, много раз ломалась, то отпала рука, то нога. Мама ее каждый раз чинила, вставляла в конечность бельевую резинку с завязанным на конце узелком, а резинку поддевала крючком, закрепленным в голове. И кукла, к моей радости, выздоравливала.

Однажды она даже приняла участие в нашем детском спектакле. Начинаясь сценка так: девочка с куклой приходит к доктору и спрашивает: «Доктор-доктор, что такое с бедной куколкой моей?» Доктор, осмотрев куклу, отвечает: «Ах, сударыня,

Алёна Петрова, 14 лет

не скрою, очень-очень плохо ей! Голова её разбита, прочь оторвана рука. Много ею пережито, ее доля нелегка». Дальше доктор спрашивает, как сможет хозяйка заплатить за лечение. Девочка отвечает: «Доктор, я через недельку накоплю Вам на еду. Будет крем и карамелька, будет пряник на меду». Доктора вознаграждение устроило, и он вылечил куклу.

Кроме Ляли у меня была одна мягкая игрушка – то ли мишка плюшевый, то ли собачка с короткими ушками, но звали его Бобка. Цвета он был коричневого, с оттенком хаки, это был спутник всех моих детских ночей и во время, и после войны. Я помню строчки из песни: «Нежно мишку укрой, вот окончится бой, твой отец вернется домой». Я тогда верила, что так все и будет, а на месте мишки представляла Бобку.

Во время войны мы жили в эвакуации в селе Алтайском, и я некоторое время ходила в детский сад. Игрушек там не было. Воспитатели лепили нам из глины кукол, козочек, коров, лошадей, но они часто разбивались. Бабушка моя владела искусством вырезания из бумаги. Из-под ее ножниц появлялись целые детские хороводы, лошадки, которые стояли, и можно было посадить на них всадника. Она могла вырезать сани или тележку. Потом поставит ее на колеса из-под катушек, получался целый обоз, и бумажные куклы куда-то ехали. Мама же хорошо рисовала, мне очень нравились ее балерины и бумажные куклы. Их можно было переодевать в разные платья, которые тоже рисовали сами.

Сейчас продаются спиннеры. Но еще в моем детстве бабушка особым образом продевала толстую нитку через дырочки крупной пуговицы. Нитку надо было вначале закрутить, а потом натянуть концы, и пуговица с жужжанием вращалась.

Не знаю причины, но в детсад я ходила недолго, а потом у меня появилась маленькая няня Маруся. Когда она пришла к нам вместе с матерью, девочке было 11 лет, когда мы уезжали – 15. Маруся была из многодетной семьи немцев, которых

переселили с Поволжья. Она гуляла со мной, играла, научилась говорить по-русски. Мы всегда мечтали о мячике, но резиновых не было, и Маруся катала мячики из шерсти (у нас были корова и овца). Мячики получались плотные, неважно прыгали, но перекидываться ими или бросать в цель было весело.

А еще у меня были «медицинские» игрушки: лет с двух я научилась складывать «порошки», наполняя их песком, снимать медицинские банки. Подсунешь пальчик под банку, и она отскочит, издав характерное «чпок». Конечно, были баночки, скляночки, которые давала мне мама, фельдшер по специальности. Но особенное удовольствие доставляли аптечные весы, когда мне разрешали ими поиграть. Это были две чашечки, между ними посередине была стрелка, которая при уравнивании устанавливалась вертикально, к ним прилагались крошечные гирьки, которые надо было брать пинцетом. Играя, я узнала, что копейка весит один грамм, а пятак – пять грамм. Перевязочного материала маме для работы не хватало, бинты после использования приходилось стирать, сушить, гладить, а потом скатывать. И вот это уже было мое дело или тоже игра: я расправляла длинный бесконечный бинт, а мама скатывала. У меня скатывать получалось медленно, слишком короткая была ладошка.

В 1945 году, в пять лет, кончилось мое военное сибирское детство, дальше шло послевоенное, и совсем в других местах нашей огромной страны. Из сибирского детства со мной осталась мечта стать врачом.

БЕЛЫЙ СЛОНИК ИЗ 41-го

Люди, и даже домашние животные, живут среди вещей. Они ими пользуются, хранят, любят, с досадой стирают с них пыль, ищут, если теряют, а потеря некоторых,

Фото из архива автора

особенно дорогих, превращается в трагедию и предвещает еще что-то плохое. В советское время объявлена была война вещизму, фетишизму: все это называлось мещанством. И буквально символом мещанства были семь белых слоников – от большого до маленького. Их можно было увидеть на многих этажерках, сервантах, стеллажах. За прошедшие годы многое было пересмотрено, верну-

лись в квартиры иконы, вышитые полотенца, картины, созданные своими руками, и... слоники в том числе.

У нас, сколько я себя помню, всегда жил один белый слон, он из мрамора и легко умещается на ладони. Он лежит у меня на руке, и я вижу у него на боку дату, нанесенную ножом: 4 мая 1941 года. Рядом инициалы: Н. А. – Николай Анищенко. Вот как! Оказывается, он с нами без малого 80 лет! А на подошвах вырезаны буквы: «Наде». Это имя мамы. Папа сделал ей этот подарок, и она берегла его всю свою жизнь, а теперь берегу я. Это единственная вещь, к которой прикасались папины руки, я представляю, как он осторожно, но четко вырезал цифры и буквы. Наверное, все семь слонов папа не смог купить и думал, что и один сможет принести счастье.

А сколько у них было планов в мае 1941 года! Наконец появилась возможность уехать на Украину, увидеть родину моего деда, о чем папа давно мечтал. Это были последние недели

жизни в Сибири, в Барнауле. Ехали всей семьей: папа, мама, я и бабушка. Остановились в Москве, где жила старшая сестра отца с мужем. Они к тому времени построили свой дом и жили в нем вместе с родителями мужа. Мой двоюродный дедушка Михаил был священником и окрестил меня.

И вот пункт назначения нашей поездки – Мелитополь. Жаркое солнце, огромные шелковицы и тополя... Родителям удалось купить полдома с прилежащим садовым участком. Там были фруктовые деревья, из них много абрикосов. Меня, 10-месячную, усаживали где-нибудь под деревом, давали абрикос в ручонку, и я его ела, после чего меня надо было отмывать. Бабушка ходила с тросточкой, загнутой ее частью она добывала абрикосы с деревьев и шла по саду до дома долго. Наверное, это были три недели счастья для каждого из нас, которое принес белый слоник.

А дальше с 22 июня 1941 года была война. С первого дня – бомбежки, сирены тревоги, бессонные ночи. Прятались недалеко от дома, в овраге. В госпиталь, где работала мама, стали поступать раненые. Родители корзинами носили им фрукты из сада. Перед эвакуацией большую часть вещей закопали в землю, с собой взяли самое необходимое. Слоник поехал с нами обратно в Сибирь. Это было в сентябре 1941 года. Один за другим по степи двигались два эшелона. Первый почему-то все время бомбили. Нашему везло, он миновал налеты. Во время остановок папа бегал на станции за кипятком. Эшелоны начинали движение внезапно, без всяких гудков и сигналов. И однажды отец чуть не отстал. Мама не растерялась. Схватила какую-то мою красную одежду и замахала ею в открытое окно. Папа увидел и вскочил буквально в последний вагон. Потом я в дороге тяжело заболела, с поезда нас с мамой в Пензе сняли, и меня поместили в больницу одну. Но с мамой было справиться не так-то просто. Она настояла на своем: «Вот накормлю ребенка и тогда уйду». А ушла со мной вместе...

Как они сумели соединиться дальше и продолжать дорогу в Сибирь, я не знаю. Но в Барнаул приехали все вместе, правда, мое состояние вызывало большие опасения. Как-то устроились с жильем, бабушкин дом ведь был продан перед отъездом в Мелитополь. Нашли врача-педиатра, она посоветовала лечить меня сульфидином (очень токсичный сульфаниламид) и кормить грудью, пока будет возможность. Рекомендации помогли, я стала медленно поправляться. Папа устроился на завод техником, ему дали бронь от службы в армии. Но летом 1942 года он ушел на фронт добровольцем. Мне еще не исполнилось двух лет. Больше мы отца не видели. В течение года от него приходили письма – те самые армейские треугольнички. В 1943 году они перестали приходить, а дальше было ожидание, все думали – вернется. Белый слоник остался с нами и несет на своих ногах имя мамы.

*Софья Николаевна Анищенко, 1940 г. р.,
г. Медвежьегорск*

Л. КОНЕВА

МОЁ ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

До войны мне было полтора года, и жили мы в Ламбасручье. Мой дед мальчиком был отдан в Питер. Сначала нянчил хозяйских детей, потом работал на чулочной фабрике, был и маляром. Рассказывал, что красили корабль «Апраксин»,

Александра Сухова, 15 лет

а рядом стояла «Аврора». Во время расстрела демонстрации в 1905 году спасся на фонарном столбе. Дед был грамотный, по-заонежски не говорил. Любил поговорить с людьми, поэтому в нашем доме часто ночевали разные люди, проезжавшие зимником на Лижму, а дальше на поезде.

С приходом финнов в деревню дед познакомился с молодым финном. Финн приходил к нам в дом, молча отдавал немного керосина или чего-нибудь из еды, садился на лавку, часто брал меня на колени и плакал. Дед говорил, что у него дома остались двое детей, что им голодно, потому что в Финляндии всё для фронта. Скучал он по детям, среди финнов разные люди были.

Как только партизаны во главе с командиром Орловым разгромили финский гарнизон, на второй день прибыло пополнение финских солдат. Все население собрали в часовне, был их поп, который вел службу. После службы всех погрузили на баржу и потащили на буксире в Петрозаводск. Разрешили брать только самое необходимое. Тащили нас около восьми часов. В Петрозаводске нас определили в лагерь на Голиковке. Женщин отправили на работу. Они впрягались в телеги и вывозили нечистоты, а мы бегали следом. У нашего деда была шикарная борода, так финны, мне кажется в насмешку, определили его швейцаром, сторожем. Недалеко был их штаб, его охраняли их солдаты, а дед стоял в своей будке снаружи. Меня бабушка иногда отправляла за дедом, да и сама я бегала к нему. Дед мне сказал: «Как увидишь высоких дядек в форме, говори им «пйивья». Как-то я увидела двух дядек в форме тёмно-мышинного цвета и говорю им: «Пйивья». Они в ответ: «Пйивья, пйивья».

Не помню, были ли в лагере какие игрушки, но качели были. Наверно, кто-то из взрослых или ребят постарше сделал их. Качались по очереди. Запомнилось, что наш парень Иван Мамонтов качался, упал и сломал ногу.

Перед уходом финны взорвали мост. Железная дорога была рядом. В это время дед одевал нас, чтобы уйти из дома, мы упа-

ли на пол, посыпались осколки. Хорошо помню черный дым, поднимавшийся выше крыш домов. Еще финны передевались в теток, надевали женские одежды, чтобы не узнали, и оставляли мины в детских игрушках, каких-то предметах. Ребята-подростки поймали одного такого переодетого финна – он прятал мину-игрушку под крыльцо. Знаю случай, что две девочки пошли на железную дорогу встречать отцов, нашли оставленные финские «штучки» и погибли.

Перед тем как вернуться в Заонежье, дед сплавал на лодке с одним мужчиной к деревне, посмотрел, как там дела, можно ли возвращаться. Нас на пароходе привезли в Великую Губу. Там ночевали, а утром пешком пошли в Ламбасручей, меня мама всю дорогу несла кошелем. Пришли, в доме пусто, все лавки потюканы топором, видно, была мастерская.

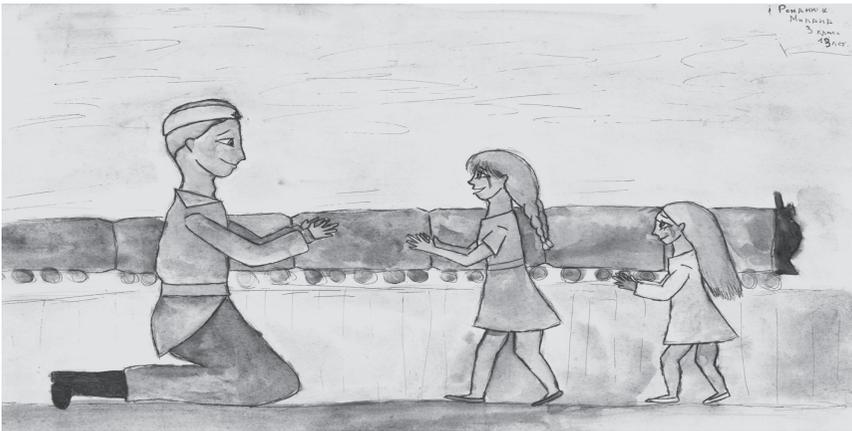
Я пошла в детский сад, много было детей-сирот. Воспитатели нам давали игрушки – чисто вымытые камушки и напильные кубики. Была всего одна кукла, помню ее до сих пор. Но ее нам не давали, с ней играла дочка продавца. А мне так хотелось поиграть с куклой. Потом мы сами шили тряпичных кукол.

*Людмила Владимировна Конева, 1940 г. р.
п. Ламбасручей Медвежьегорского района*

СКАЗКИ СО СЧАСТЛИВЫМ КОНЦОМ

Мне было полтора года, когда началась война. Нас эвакуировали в город Копейск Челябинской области. Я помню, что ехали в товарном вагоне, две семьи, размещались на нарах. В вагоне была круглая печка, на которой мамы готовили еду. Однажды поезд резко затормозил, и наша мама о печку обожгла руку. А случилось это потому, что впереди под бомбежку попал другой поезд. А нам повезло, мы остались живы.

В Копейске нас поместили у одной хозяйки в чулан. Жили недолго там. Мама устроилась на работу. Она имела образование бухгалтера. Нам выделили нормальную квартиру, устроили в садик: сестру в старшую группу, ей было пять лет, а меня в младшую. Как нам не нравился в садике обязательный прием рыбьего жира! Нравилось слушать сказки про Бабу-ягу и альень-

Милана Романюк, 13 лет

кий цветочек, потому что они были со счастливым концом. И еще тряпочные куколки. В садике мы играли в прятки, «ляпу», домино. Ребята из старшей группы распускали рваные вязаные изделия, мотали в клубки. Из них старшие вязали носки, перчатки для солдат.

Вернулись мы в Медгору в 1944 году. Город был разрушен. Сначала мы жили в комнате на втором этаже, окна смотрели на школу № 2. Когда построили дома в Октябрьском поселке, нам выделили квартиру на ул. Пролетарской, соседями нашими были Анциевы. Хлеб выдавали по карточкам. В школе было три смены, и моя старшая сестра шла после школы занимать очередь за хлебом, а ей на смену до утра приходили бабушка или дедушка. В общем:

*Детство трудное застали,
Хлеба вдоволь не едали.
А зато плюсенья ели,
Очень нравились они.*

Плюсенья – это очистки от картошки, высушенные на горячей плите.

Папа вернулся домой в 1946 году. Идет в военной форме солдат, а я не знала папу и спрашиваю маму: «Мама, это, что ли, папа приехал?» Папа услышал эти слова и заплакал. И очень часто во время праздников вспоминал эти слова и плакал.

*Светлана Николаевна Соколова, 1940 г. р.,
г. Медвежьегорск*

ЖЕЛТЫЙ УТЕНОК И КУКОЛКА С МИЗИНЧИК

У нас в семейном архиве есть фотография: мне полтора года, я стою на стуле и в руках у меня маленький пластмассовый (целлулоидный) утенок. Эта фотография очень умиляла мою дочку. И вот уже в нынешнее время она привезла мне в подарок мягкую игрушку – пушистого котика, держащего в лапках желтого утенка.

Шла война, и у нас, деревенских детей, игрушек практически не было. Перед новым 1943 годом мама принесла домой маленькую елочку. Мы ее украсили гирляндами из колечек, склеенных из газетной бумаги. Но главным украшением был золоченый

Виктория Ладыгина, 14 лет

орех, подаренный кем-то маме. И вот вечером мы с ней лежим на печке, а внизу под иконой молится бабушка. Горит малиновая лампада, сквозь морозные узорчатые окна льет свет яркая луна. Дома тихо, уютно, тепло... Светлое Рождество. А где-то далеко воюют наши близкие – дедушка, его младший брат, дедушкин сын (мой дядя) и совсем юная тетя (дедушкина дочка).

В 1945 году вернулись все, кроме дяди Саши, в 20 лет он сгорел в танке под Донецком. Дедушка с бабушкой всю жизнь оплакивали единственного сына.

Я у дедушки Степана была старшей и желанной внучкой. И он привез мне с войны трофей – куклу неопишуемой красоты. Когда через год мы с мамой засобирались на север к освободившемуся из воркутинских лагерей моему отцу, то мама посоветовала мне брать с собой куклу, так как предстояла школа, учеба – одним словом, серьезная жизнь. Я не смела перечить, была послушным ребенком, но заноза в душе осталась.

Мы много играли, в войну в основном. Девочки любили водить хороводы. Такой, например: «Со вьюном я хожу». У ведущей девочки на плече была косыночка – «вьюн». Мы шли за ней следом змейкой, свиваясь в кольцо, и пели: «Я не знаю, куда вьюн положить. Положу я вьюн на левое плечо» – и так далее. Бесхитростные слова, трогательная мелодия были использованы нашим гением Чайковским в одной из своих симфоний, что я узнала много позже. Перед школой мне купили цветные карандаши, акварельные краски – цветные «пуговики» на маленькой круглой картонной палитре, что было слабой компенсацией немецкой куклы.

Лет шести я спросила у мамы, почему она не пошла в партизаны, на что она ответила, что ее могли убить, «и ты осталась бы сиротой». А я ей: «Зато ты была бы героем!»

В школе, в первом классе, у меня была подружка Света. Однажды она принесла малюсенькую куколку-голыша размером с мизинчик и предложила мне ее купить. Денег у меня нет,

просить у родителей не могу. А учеба в голову не лезет, когда в парте рядом лежит крошечный человечек. Где взять деньги? И я нашла выход. Каждый понедельник мы сдавали нашей учительнице Марии Николаевне деньги (небольшие) на завтрак, состоявший из ломтя хлеба с кусочком масла, ложечкой песку сверху и стакана чая. И вот я, не моргнув глазом, говорю Марии Николаевне, что, мол, сегодня не могу сдать деньги, так как у нас пока трудности. Учительница, конечно, напоила меня чаем с бутербродом, но сразу довела ситуацию до сведения моих родителей. Меня не ругали дома. И мы с моим голышом зажили счастливой жизнью.

В 1950 году на лето в отпуск мы приехали в свою деревню. И вот однажды мы, ватага двоюродных и троюродных братьев-сестер, вдруг услышали из уличного репродуктора о том, что началась война и наши летчики храбро бьются. И тут мы завопили, как безумные: «Ура! Ура! Мы бежим на войну бить фрицев». Но взрослые разъяснили нам, что это началась война в далекой Корее и наши летчики помогают бить тамошних врагов. Таким образом, наши подвиги сорвались.

В школе наши мальчишки делились на летчиков и морячков... Мы были патриотами. В школе мы быстро научились читать. И книжки заменили мне игрушки.

*Юлия Исаевна Шабанова, 1940 г. р.,
г. Медвежьегорск*

МЯЧИК ИЗ КОРОВЬЕЙ ШЕРСТИ

Своё детство я провела в деревне Калакунда, что находилась на реке Илексе. Мне мама, Демидова Евдокия Архиповна, 1911 года рождения, рассказывала о своём детстве. Зимой катались на лыжах и чунках (детские самодельные деревянные санки). Летом играли в имушки (прятки). Корялись (*считались*) кому водить так: «Палочка-балабалочка, кто украдёт, тому в бок накладём». Искали около домов разные стекляшки, осколки от горшков. Не было покупных бобок (*игрушек*), сами шили куклы из тряпок и скатывали мячики из коровьей шерсти.

Теперь немного о моём детстве. Родилась я в д. Калакунда 3 июля 1941 года. Моё детство не очень-то отличалось от маминного. Так же играли в прятки. Корялись вот так: «Анне деверики, факи, торба, орба, смаки, деус, деус конедеус, бакс». Не знаю, почему так. Играли в лапту, в городки и в старинную игру «делёж земли». В каком-то учебнике был рисунок, бедняк стоит на одной ноге на маленьком клочке земли. Мы чертили круг на земле и делили землю по числу игроков. Кидали по очереди нож в землю, чтобы он воткнулся в чужую часть, и отрезали кусочек земли. Не у всех получалось, ну а кто ловок, тот и выигрывал.

Игрушек не было и в магазине – не продавали. Первый раз увидела детский игрушечный набор – кастрюльки, чашки, ложки, вилки – оцинкованный жёлтого цвета в семье Комлевых в деревне Малый Куганаволок. Мне было 16 лет. Вышла на улицу и увидела этот набор и ещё пупсика у девочки. Смотрела – не могла глаз отвести.

Ещё помню, когда убьют барана, то его коленные чашки (кости) служили нам игрушками. В 13–14 лет строила из дощечек на берегу озера домики. С друзьями ловили

Александра Скворода, 15 лет

небольшую рыбку – подкаменщиков. Обмазывали их глиной – это были у нас пироги.

До школы не видела ни книг, ни ручки, ни тетради. Писали зимой на снегу. Летом со старшими сёстрами собирали гербарий – цветки, листочки. В первый класс пошла в восемь лет. Училась в 1–2 классах в школе в деревне Канзанаволок, жила в интернате, а в 3–4 классах училась в начальной школе деревне Коскосалма, затем снова в Канзанаволоке. Помню, там играли в фанты. Задания были такие: например, сходить за водой. Окончила семилетку в Куганаволоке и уехала учиться в строительное училище № 6 в Сегежу.

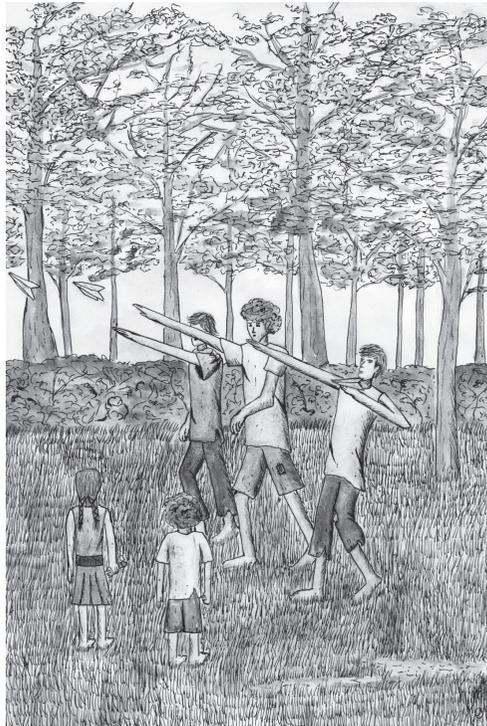
*Анна Петровна Кочнева, 1941 г. р.,
г. Пудож*

ВЫДУМЩИКИ

Отыскал кое-что из игрушек моего детства. Фара от трактора надевалась на веретено. Получался волчок. Я быстро научился раскручивать эту игрушку. Из спичечного коробка можно было многое изобрести, например, трактор: резинка продевалась внутрь, завязанная на кусочки спичек, намыливалась, заводилась накручиванием удлиненной палочки. Трактор ехал по полу, тарактя, так как нарезались шипы на катушке.

Делали из катушек (деревянных) и стрелялки. Если резинку привязать, а внутрь вставить палочку, которая вместе с резинкой натягивалась, «стрела» летела в мишень. Соревновались в меткости.

На катушку надевалась нитка, которая тянулась до друга в соседнем доме, у которого второй конец нитки вдевался в коробок с осколком спички. Если крутить катушку, натертую канифолью, скрежет был слышен в коробке (деревянном тогда). Если в полураскрытый коробок

Анна Коппалина, 16 лет

поместить большой подшипник и перевернуть на полу, можно было подтолкнуть коробок, и он катился с шумом. Коробок (деревянный) разжимался в месте склеивания. Спинка расщеплялась на клавиши. По ним стучали пальцами. Получалось «пианино».

Из бердо, уже ненужного, выщипывались пластинки, из которых плели щиты, а из щитов строили домики. Домики строили и из игральных карт. Из бумаги делали самолетики и голубей и соревновались, у кого модель будет летать дольше.

Из обломка косы получался плуг. Этим плугом я пахал землю, играя под окном. Получалась маленькая пашенка, а я называл себя пахарем. Пашенку можно было огородить маленькой изгородью с воротцами, а потом и грядки сделать. Вот такими были выдумщиками!

Когда на пруду появлялся лед, на валенки прикручивали снегурки и катались. С горы катались на салазках все скопом – «горой».

Был у меня игрушечный заяц в зелёных штанах и курточке, но он куда-то «убежал». Я играл с тряпичной куклой без ног, которую мама не успела доделать для дочки (та умерла в младенчестве).

Флажок мне подарила тетя, у которой я в Ленинграде лечил глаза, когда уже учился в первом классе. Пропустил вторую четверть, но потом догнал друзей в учебе.

Масленку для смазки винтовок мне подарили после войны солдаты, которые останавливались в нашей деревне. В одну половинку наливается масло, а в другую – щёлочь. Они использовали ее как табакерку. Мне она очень нравилась.

*Борис Андреевич Прохоров, 1941 г. р.,
г. Медвежьегорск*

ШАРЫ ОТ БИЛЬЯРДА

Чуть-чуть скажу о себе. Родился я в поселке Нефтебаза Пудожского района 24 января 1942 года. Примерно в марте 1943 года мы с мамой переехали в деревню Теревовская – это на стыке рек Шалицы и Водлы, в трех километрах от Онежского озера. В Теревовской были ясли (сад). Я и моя мама Анастасия Никитична жили там же. Мама была за сторожа, прачку – работала сутками.

Здесь воспитывалось, наверное, с десятков детей колхозников и служащих рыболовецкого «Прибоя». Когда дети научились ходить, составляли небольшой хоровод. Что-то пели, помнится «Со вьюном я хожу» и «Баба сеяла горох». Игрушек не было. Вместо них – шары от бильярда, вот в них мы и играли, катая по полу от одного к другому.

Милана Карпинен, 11 лет

Помнится праздник, вероятно, в мае 1945 года. Были танцы – детей поддерживали хлопанием в ладоши, скорее всего, бабушки, может быть, мамы. Явно, что день был нерабочий. Чего-либо подобного в памяти больше не осталось вплоть до переезда в поселок Стеклянное, это от Теребовской около километра, но на реке Водле.

Мама работала в яслях, я ходил в детсад. Это был ведомственный детсад, от пристани Шала, – кубики, пирамидки, хорошие, новенькие, мячи... Было нас примерно до 20 воспитанников. Это было до 1949-го, до школы. Подвижных игр на улице я не помню. Возможно, потому, что по 1947 год в Стеклянном был лагерь военнопленных и лагпункт. В начальных классах в деревне Белоглазовская (она же Понизовье) по вечерам, после школы, улицы оживлялись шумом, играми детворы. Дома стояли в две линии – вдоль реки и рядом с лесом, за огородами. Был скот, может, с десятков голов. Коров выгоняли в лес. Перед этим местом прогона была площадка, просто свободное место. Тут играли в лапту, кислый круг, в прятки, в рюхи. Руководили ребята постарше. Нас, мелкоту, не обижали, не гнали. Но у взрослых было разное отношение. Уже тогда чувствовалось это, особенно со стороны людей с весом, положением. Особенно к тем, у кого не было отцов и старших братьев. Возникали прозвища.

Зимой катались на санках со съездов (так называли подъем из поперечных бревен на сеной сарай), в деревне их было два. Лыжи были, помнится, редкостью. Их делал ветеран войны Григорий Гашков прямо в кухне. И не только лыжи – табуретки, санки и другое. Это уже в начале 1950-х годов. Деревня Белоглазовская в наши дни стала уже просто улицей Заречной поселка Шальский.

*Виктор Никандрович Смирнов, 1942 г. р.,
г. Пудож*

ГЛИНЯНЫЙ ПЕТУШОК

Детские годы я помню мало, больше вспоминаются школьные годы. Я родилась в мае 1943 года в Курганской области, в Сибири. Мама, семеро детей, бабушка и дедушка по папе были в эвакуации. Папа был в партизанах, был ранен и после госпиталя навестил семью. Я как-то спросила старшую сестру Надю 1931 года рождения, помнит ли она, как я родилась. Она рассказала, что мама рожала сама, дома. Чтобы не напугать детей, ушла то ли в подвал, то ли в сарай, как родила меня, постучала палкой. Дед пошел к ней, ругался, что ушла, будто дома не было места. Стал делать зыбку. Надя больше всех и нянчилась со мной.

В 1944 году мы вернулись в родную деревню Фоймогубу. В 45-м переехали в Великую Губу, папа работал в райкоме партии. Я пошла в садик. Шла сама и водила младшего братика. Сохранилось фото: все дети в детском саду в халатиках. Помню, что синих. Когда мы болели, мама ходила в садик и брала наш обед. Мы так его ждали, он не такой, как дома, был.

Александра Сухова, 15 лет

Запомнилось все первое – первый мандарин, запах первого лимона, который привезли гости. У мамы на работе в райпо устроили елку. На баяне играл дядя Петя Осипов. Помню, как я танцевала, порхала вокруг елки под музыку. Мне подарили мандарин. Игрушки на елку делали сами, например, бумажные бусы.

Яркое воспоминание – большая конфета «Черная смородина» в красивом фантике, которую папа привез из Петрозаводска. Он лежал в больнице, после ранения все болел. Мы играли в фантики, они пахли вкусно. Помню красные ботиночки, что купили мне. В четвертом классе купили первый портфель, синего цвета, а до этого ходила в школу с какой-то сумкой.

Помню глиняного петушка. Цветной, он стоял на какой-то подушке воздушной. Нажмешь – и он пищит. Наверно, воздух набирал и издавал звук.

Летом ездили в Фоймогубу к тете в гости. А там на откосе к берегу – хорошая глина. Мы с соседскими девчонками лепили из глины «стряпню» – рыбники, пироги – и угощали друг друга. Лепили и простенькие игрушки – зверушек всяких.

Рядом была большая горка. Как-то раз с братом врезались в столб на дровенках. Я сильно прикусила язык. Пошла с ревом к маме, присыпали стрептоцидом. Вот таким было мое детство.

*Тамара Федоровна Фомичева, 1943 г. р.,
г. Медвежьегорск*

Т. ПОСПЕЛОВА

СПАСИБО, ДЕРЕВНЯ!

Родилась я в деревне Егозеро Пудожского района, но все старики ее называли Замошье, то есть за мхами и болотами. Дворов в деревне было всего восемь. Наш дом был самый большой: два этажа и зимняя изба, в которой жили только зимой. Когда началась война, меня еще не было на свете, и отец так меня и не видел до 16 лет. Но об этом не сейчас.

Остались мы большой семьей – восемь человек: пять дочерей, сын, слепой дядюшка и мама. Мама работала дояркой. Помню себя с пяти лет. Вот мы с сестрой Галей сидим на печке, дядюшка лежит на лежанке, рядом. Мы поем песни. Дядюшка говорит: «Пойте, пойте». Когда пришла мама с работы, посмотрела, а дядюшка уже холодный, так под наши песни и умер.

Сестра Галя умерла через год, в восемь лет. Брат, не окончив школу, пришел домой, потому что был единственным мужчиной и надо было помогать маме. По понятным причинам в нашей деревне не было ни школы, ни магазина. По игрушки скажу так: их не было вообще. Только тряпичный мяч и скакалка из веревки. Я лучше расскажу, как мы проводили время, чем занимались.

Школа была за 35 километров. Жили в интернате, на каникулы – домой. 15 километров от нашей деревни летом ездили или верхом на лошади или, если есть груз, на волокушах, так как дорога – это мосты, пни, камни, коряги, на телеге не проехать. А остальные 20 километров ездили на телегах.

Закончилась война. Стали возвращаться мужчины. Борисов Харитон Михайлович – без ноги. Приёмшев Николай Егорович, до войны красавец, дошедший до Берлина, горевший в танке, вернулся с обгоревшим и обезображенным лицом. Борисов Алексей – с туберкулезом. Андреев Дмитрий Васильевич – с отмороженными пальцами ног, их ампутировали. Но большая часть мужчин не вернулась. Было заметно, что наши девушки сторонились этих парней. Хотя одна из вдов с тремя детьми все время пела частушку: «Девушки, вы девушки, не будьте гордоватыми, любите раненых ребят, они не виноватые». И в итоге вышла замуж за обгоревшего Колю.

Полина Вахроева, 13 лет

Летние каникулы для нас – раздолье. Мы не знали слова «скука». Пока были поменьше, играли в бобки – это осколки разбитой посуды. Что побольше – блюдце, что поменьше – чашка. А когда мама варила холодец, мы среди косточек находили похожих на человечков, выставляли их в ряд и любовались.

А работы летом – море! Вот мы заготавливаем на зиму лист березы для овечек. Когда его уже достаточно, он, высыхая, дает такой божественный аромат, что дыши – не надышишься! И я решила одну ночь проночевать в этом лиственнике. И получила незабываемые удовольствия, которые помню до сих пор. Только получила одно неудовольствие, дав себя на съедение комарам.

Рано утром, часа в четыре, начали вставать ласточки. Да начали петь, да так нежно, с переливами, что я теперь, услышав их пение, сразу мысленно переносюсь в детство и просто блаженствую от этого. Внизу слышу, как мама начинает доить буренку. Тугие струи молока бьют о дно подойника, затем все глуше, глуше, значит, ведро полное. Иногда крикнет на корову, как будто та понимает...

Еще одним удовольствием было, когда мы с подружкой ходили на песчаную широкую грядку, что шла по берегу озера. Песок удивительно белый, мелкий и чистый. Вот мы бредем по бережку и видим, как у самого-самого берега плавают щурята-детки. Они так греются. Мы осторожно подводим ладони лодочкой, и они спокойно заплывают в них. Мы их отпускаем в ямки, вырытые в песке и заполненные водой. Это одно из наших развлечений.

Обуви за лето мы не знали никакой. Зато от земли, воды и солнца ноги вечно были в цыпках, что немало досаждало. Мама, успокаивая, скажет: «Это тебе ворона сапоги дала» – и советует помыть ноги на ночь, смазать сметаной и дать вылизать собаке Буске.

С собакой Буской мы были настоящие друзья. В дождливую погоду, когда сидишь дома, я дрессировала мою Буску. Научила

ее «плакать»: лапой, а иногда и двумя, она как бы вытирала слезы. Было очень забавно, ее все просили это делать, и она очень поправлялась от подачек.

Деревня жила очень дружно. Все помогали друг другу. Вечером, придя с сенокоса, мужчины забрасывали невод и пойманную рыбу делили всем поровну. Сама это видела, так как моя сестра Октябрина работала на складе и все отмечала в квитанциях.

А как весело проводили праздники! В каждой деревне свой. Наш – 25 июня, Онуфриев день. Со всех окрестных деревень приходила молодежь, и не только. А мы, подростки, к этому дню намывали наш «клуб» в недостроенном доме. В праздник плясали под гармонь, но чаще под балалайку. А какие разнообразные танцы были: кадрили, вальс, танго, падеспань, страдание, краковяк, барыня, частушки, яблочко. А сколько пели песен! Слушая их, много запомнила досюльных, чаще шуточных. Самовары грели не переставая. Гости сидят еще у соседей, а мама зовет их к себе на чай. Пироги были тоже самые разнообразные: калитки, рыбники, кулебяки (с мясом), курники (с овощами). А уж бражка – само собой.

Брат мой любил мастерить много своими руками. Приехав как-то на зимние каникулы, увидела самую настоящую балалайку в три струны. Я училась на ней играть с удовольствием, немножко овладев игрой, развлекала соседей, что приходили на бесёду.

Окончив семь классов, я переехала в Медгору, началась моя городская жизнь. Вспоминая свои игрушки и игры, говорю: «Спасибо, деревня!»

*Тамара Александровна Поспелова, 1941 г. р.,
г. Медвежьегорск*

ДЕТСТВО В СУЙСТАМО

Помнить себя я стала рано. Стояла зима 1948 года. Мне было на ту пору два с половиной года. Отец мой – лесничий, и вся семья усиленно работала на заготовке семян. А урожаем сосновых шишек был невиданный! Я помню: брат Слава приносил ветки сосны, где прилепившись друг к другу, как зёрна в кукурузном початке, сидели по 12–18 шишек! У рекордсменки было 24 шишки! Брат прибил эту ветку в своей комнате на стену. Шишки сохли в конторе за стенкой и в квартире, в доме стоял чудесный смоляной запах, из всех углов слышался треск раскрывающихся шишек. Вечерами мама с братьями колотили шишки над ванной, чтоб вылетали семена, и я тоже помогала.

Не знаю, много ли было проку от моей работы, но я помню, что мои ручонки крепко держали растопыренные шишки. Пустыми шишками топили печь: она раскалялась докрасна, было тепло, вкусно пахло смолой. Хорошо!

На крыше нашего дома сияла большая белая буква Т. Зачем она там была прибита? Для лётчиков-пожарников, чтобы они быстро нашли крышу лесничества. Летом прилетит «кукурузник», сделает круг над домом, сбросит пакет, покачает крыльями и улетит. А мы с отцом ищем мешочек, в котором в нижней части насыпан песок, а в верхней половине листок с планом, где указано место пожара, его площадь.

Найти пакет можно было по длинным ярким лентам, привязанным к мешку. Собирались лесники и объездчики и ехали тушить пожар. Отец возвращался пропахший гарью, грязный и усталый... А мне было очень жаль маленьких лесных жителей, которые остались без своего жилья, а, может быть, и погибли.

Наша семья вернулась в Карелию после эвакуации в августе 1946 года. Выгрузили четыре семьи на станции Алатту. Некоторое время жили недалеко от неё, а потом на одном из финских хуторов, которые стояли в некотором отдалении друг от друга. Наш дом смотрел окнами на озеро, до берега за минутку, бывало, добежишь. По моим понятиям, дом был большой, но мы занимали только комнату и кухню внизу, а ещё довольно большую причердачную комнату, куда вела деревянная лестница с перилами. Наверху жили мои братья Володя и Слава. Из их комнаты можно было пройти на обширный чердак, засыпанный опилками, под которыми в несколько слоёв лежали финские довоенные газеты и журналы. Мальчишки выкапывали их и рассматривали фотографии чужой жизни.

У нас были зимние сани с длинными полозьями, которые все называли финками. На них очень хорошо было кататься по льду озера или по крепкому насту. Впереди можно было посадить «пассажира» и, стоя на полозьях, отталкиваясь ногой, гнать вперёд быстрые санки. На озере сначала замерзает вода вдоль побережья, потом середина. И вот поехала я кататься. Сначала носилась у берега, но там мешал тростник, и тогда с разбега я вылетела на свежий тёмный лёд. Подозрительно хрустнуло. Быстро оглянулась, сзади по следу выступила вода. Как же я летела к спасительной кромке крепкого льда! Отталкивалась, едва касаясь, я гнала сани всё быстрее и быстрее, пока не выскочила на светлый лёд. Оглянулась назад и обомлела: полукружьем стояла вода. Хорошо, что полозья были длинные, а бегунья лёгкая. Господь уберёт меня от несчастья и в этот раз...

В послевоенное время все подписывались на облигации трёхпроцентного займа. Время от времени были розыгрыши, и люди иногда выигрывали деньги, то есть облигации погашались, если совпадали номера и серии. Мама на некоторых облигациях написала: мама, папа, Володя, Слава, Валя. Моя выиграла, и мне

купили новенькие лыжи! Славик протаптывал для меня лыжни, чтобы я каталась с небольших горок, и я их осваивала самостоятельно, пока он был в школе. Спуск утопчется, катиться с него одно удовольствие. Братец непременно мне трамплин построит втихаря, и я нападаюсь, пока держаться научусь! Домой приду румяная, как яблочко, но вся в снегу. Я потом сама другую лыжню раскатаю, но он мне снова сюрприз устроит! Потом мне даже понравилось... Спустя десятилетия, молодая

Полина Голикова, 13 лет

учительница прыгала с трамплина-камня на зависть её ученикам, особенно мальчишкам. Только двое решались повторить этот «подвиг». Спасибо брат! Я перестала считаться маленькой в четыре года после того, как проявила недюжинную упёртость в решении вопроса: где меня оставить на день, пока родители на работе, а Славик в школе. Володя уехал в Мончегорск, в техникум. Решили определить меня в садик. Я там провела всего один день, мне не понравилось: днём заставляют спать, да ещё в чужих кроватях! От этого я отказалась сразу наотрез, сидела и рисовала, пока у всех детей был тихий час. Дома заявила, что в детсад больше не пойду!

Оставили хозяйничать дома. Нужно было вымыть посуду – это самое нелюбимое дело. Вода быстро остывала,

а посуды много, и мне тошнѣхонько как хотелось побыстрее избавиться от этого занятия. Зато я с удовольствием подметала пол. Однажды решила на подвиг, стала мыть полы. В комнате-то легко, а в большой кухне пол «белый», то есть некрашенный. Его нужно было тереть голиком, наступить ногой и шоркать, как мама делала: или руками, или ползая на коленях. Ох, и намучилась! Тёрла его, мыла расплѣскивая воду, с трудом её собирая. Ручонки устали, сама устала. Кое-как закончила дело, и пошла прилечь на кровать. Неслыханно! Днём – и спать! Дверь в комнату закрыла на замочек, очень похожую на человеческое ухо, и уснула...

Я не слышала, как родители звали меня, как выбили замочек. Я проснулась только тогда, когда мама холодными с улицы руками потрогала мой лоб. Я похвасталась: «А я полы помыла!» «Вижу, доченька, вижу. Ты моя помощница».

Летом 1949 года у нас в доме появились мои новые товарищи. Самый верный – кошка Лапка. Принесли её котѣночком, выкормили, и стала она прекрасной охотницей. Красавица! Чѣрная блестящая шерсть, белая грудка, беленькие носочки и сапожки на лапках. Ходила мягко и бесшумно. Любила спать со мной, а мама не позволяла: «Ишь, что выдумали! Не целуй кошку – глисты будут. Ну-ка, иди вон!» Но Лапка придумала хитрость: я лягу спать, она под одеяло мне в ноги – юрк, и лежит тихонечко. А как в доме всё стихнет, Лапка переползѣт ко мне на подушку, мы с ней обнимемся и спим, а утром она уйдѣт как ни в чём не бывало.

В подвале нашего дома был склад Треста-19, а наверху склад лесничества, где хранились семена и овѣс. Конечно, пришли крысы. Мою бедную Лапку заперли на ночь охранять имущество отца. Утром обнаружили 11 задавленных крыс, которых кошка стащила в кучу посередине помещения. А сама она лежала, еле живая. Недельно она отлѣживалась, откармливалась, отдыхала, и её снова отправили на работу. Всѣ повторилось, только крыс было меньше. Спустя время их не осталось ни одной! Лапка их не ела, брезговала, но люто ненавидела. Зато она баловалась

птичками, и уж тут мы с ней ругались! Я отбирала пойманных птичек, но без толку: они, побывав в таких зубах, погибали. Чтобы не было повода для ссор, умная Лапка стала охотиться подальше от дома и свои трофеи больше не приносила.

Когда я пошла в школу, моя Лапуля выходила меня встречать. Дойдёт по лыжне до старого колодца и поджидает. Я подъеду, наклонюсь, она прыг мне на плечо, и мы катим домой.

*Девочка в школу бежит по лыжне,
Ей одиноко и страшно немного,
Чудятся ей огоньки в стороне,
Сердце стучит, напряжинились ноги.
Два километра в безлюдной тиши
Мимо кустарников, сумрачной ёлки.
Скоро посёлок, ребёнок спешит,
Лишь бы её не учуяли волки.
Лыжнице восемь годочков всего,
Нет провожатых: ни бабки, ни деда,
Нет и соседей, совсем никого.
В школе пробудет она до обеда
И возвращается той же лыжнёй.
Как хорошо, как красиво и чисто!
Кошка навстречу бежит колеёй,
Прыг на плечо. «Здравствуй, милая киска!»
Кошка мурлычет и трётся щекой,
Нам хорошо и нисколько не страшно...
Господи, как это всё далеко
И недалече, как в жизни вчерашней...*

Валентина Степановна Клевина, 1945 г. р.,
п. Сосновка, Медвежьегорского района

МОИ СОЛОМЕННЫЕ КУКЛЫ

Во что могли играть дети в заонежской деревне без света и всякой цивилизации?

Моя сестра родилась в 1935 году. Первой игрушкой над ее зыбкой (*колыбелью*) были колокольчики. Их заимствовали от упряжки лошадей, крепили на веревочку и вешали в зыбке. Они приятно звенели, погремущек в ту пору у нас не было. Бабушка Даниловна из тряпочек и ваты шила ей куколок, волосы у которых были из мха или пакли. Учила ее делать куколок из соломы, а сумочки для них шила из лоскутков и ленточек. Была у сестрицы еще и вязанная из ниток куколка. Она ее очень любила и берегла.

Я родилась в 1947 году. Мое детство было уже побогаче на бобки (*игрушки*). Сестра уже сама мне шила кукол из ваты и лоскутков. Научила меня плести кукол из соломы. Отец выпиливал нам из дерева рюши и биты, учил играть в городки. Еще он собирал кости, когда варили холодец, и учил нас в них играть. Из лучинок для плетения корзин меня учили плести коврики, а потом и корзинку.

И также из лоскутков и лучинок делали нам куколок – сколько было радости! От курочек мы собирали перышки опавшие, из них получались украшения разные и веера куклам и себе. Спичечные коробки – это мебель: столы, стулья, комоды, вот комната для кукол. Фантики от конфет – это куклам платья, коврики, украшение спичечной мебели, а еще это и деньги для игры в магазин.

Для игр на улице использовали камешки, глину, ягоды рябины, кувшинки водяные, дощечки разных размеров, бересту, битую посуду, шишки и сучки из леса, опилки. Дощечки ставили на камушек или пенек – это весы, а мелкие

Анастасия Сковорода, 15 лет

камушки – это гири. Опилки, земля, трава – это продукты. Из глины лепили «конфетки», пироги с ягодами рябины, цветками и травами. Бусами, колечками на пальчики служили ягоды рябины и водяная кувшинка. Из шишек и сучков, что приносили родители из леса, делали человечков, животных, рыбок, вазы разные. Очень нравилось нам собирать осколки от чашек с рисунком. Из них, земли, опилок, ягод и цветочков у нас получались «секретики» – у кого красивей!

Однажды я была в магазине в Шуньге и увидела там настоящую куклу. Мне было десять лет. Я мечтала об этой кукле и просила родителей купить мне ее. Но купили ее только через год, когда родилась моя младшая сестренка Лида. У куклы была очень красивая голова, волосы, глазки голубые, носик, ротик, бровки, но ноги, руки и туловище сделаны из ваты. На ней было красивое платье и шляпка. Красота и сокровище! Я ее берегла, спала с ней. Но сестра подросла, и мне пришлось с ней делиться. И, несмотря на наши ссоры, мы вместе играли с этой куклой, она у нас была одна.

Вот такое наше детство. Вот такие наши бобки.

*Галина Андреевна Пантелеева, 1947 г. р.,
г. Медвежьегорск*

ПУПСИК

Тихий солнечный день 9 сентября 1952 года. Я в кабине папиной грузовой машины, мне четыре года и восемь месяцев. Мама у нас лежит в больнице, одну меня дома не оставишь, поэтому мы с папой работаем на разгрузке муки. Я наблюдаю за процессом из кабины. У грузового пирса из трюма баржи по трапу грузчики выносят на плечах тяжелые мешки с мукой, кто-то их принимает и складывает в кузове машины. А грузчики, разворачиваясь, снова идут за очередным мешком. От муки их волосы, брови, одежда совершенно белые, издали эта цепочка людей похожа на белых тараканов. Загрузив машину, мы едем разгружаться на склад. По пути делаем остановку возле баржи, на которой построен домик и живут люди. У них есть телефон, папа идет звонить в больницу. Возвращается он грустный, значит, братика у нас не будет.

Мне папа говорит: «У тебя сестренка родилась, теперь ты старшая и за все отвечаешь». Я погладила его кудрявую голову, крепко обняла и сказала: «Не расстраивайся!» Видимо, в эту секунду в моей голове что-то щелкнуло, и чувство ответственности затмило все остальное. Поэтому я всю свою жизнь панически тревожусь обо всех: сестрах, их детях, их внуках.

А наутро у нас был рейс в Медвежьегорск, в Медвежку, как тогда говорили. Мы съездили в Южный поселок, забрали кладовщика, загрузились товаром и поехали в лимонадный цех. Мне показали, как пустые бутылки ездят по кругу, как их моют, затем заполняют лимонадом. Лимонадом «Крем-сода» меня угостили тут же. Как же это было вкусно! С тех пор это мой любимый напиток на всю жизнь. Потом мы обедали в буфете вокзала. Точнее, обедал папа с еще одним шофером из нашего

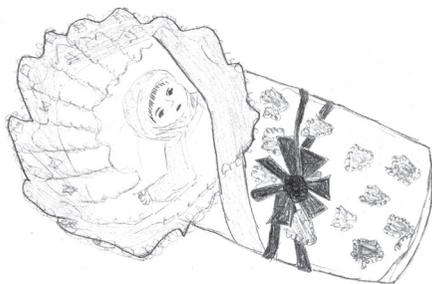
Ольга Щербакова, 17 лет

села, а мне взял чай и две вкусные булочки. Они были политы чем-то белым и сладким, да еще и маком обсыпаны. Став взрослой, когда бывала в Медгоре проездом, я всегда в буфете покупала «папины булочки».

Пообедав, мы вышли на площадь. В ларьках продавалась всякая всячина – чего тут только не было! Папа предложил выбрать мне куколку. Я знала, что с деньгами у нас в семье трудно, видела, как плакала иногда мама, заглянув в кошелек. Поэтому я попросила купить самую маленькую куколку – это был пупсик-голышок. Он был такой маленький, можно завер-

нуть в носовой платочек и убрать в кармашек платья. Подарком папы я была очень довольна!

А настоящую дорогую куклу я видела лишь однажды, даже в руках подержала. Моя тетя, мамина сестра, купила эту куклу для своей дочки.

Анна Ригоева, 11 лет

Такая большая, завернутая во все белое, с бантом и кружевным уголочком, она казалась новорожденным ребенком. Тетя с вещами и этой куклой ехала в Заонежье на теплоходе «Урицкий». Сидела она на верхней палубе. За время пути к ней неоднократно подходили матросы и предлагали пройти в каюту, чтобы не простудить ребенка. Но тетя отшучивалась: «Он у меня закаленный, простуды не боится».

И вот это чудо привезли к нам в деревню! Разрешили посмотреть и даже подержать в руках... Но я все боялась, а вдруг испачкаю? Честное слово, зависти не было ни капли. Куклу-красавицу вместе с сестрой увезли утром, они уехали в свое село, а я со своим любимым пупсиком еще долго играла. Мой пупсик был мне ближе и дороже. Я его запеленала в белую тряпочку, и даже синий бантик привязала. Маленький, хорошенький и только мой. Потом с ним играла средняя сестра, затем младшая. И пеленали-то мы его, и купали, и спать укладывали. Мы выросли, у всех нас появились дети. А пупсик наш – это был первый опыт материнства.

*Валентина Дмитриевна Соловьева, 1948 г. р.,
г. Сегежа*

ЛЮБИМИЦА КАТЯ

Ах какая это была кукла! Настоящая фея из сказки: яркие, синие глаза с длинными ресницами, ровно очерченные алые губы и каштановые волосы, заплетенные в косу до колен. Элегантное платье и изящные туфельки подчеркивали ее красоту. Этот замечательный подарок сделали моей сестренке наши дальние родственники, приехавшие погостить к нам на Иванов день. А 7 июля, в праздник, моей сестре Светлане исполнилось семь лет. Восторг и счастье выплескивались из детских глаз на взрослых людей, а те, отворачиваясь, тихонечко вытирали слезы. Никогда ничего подобного у маленькой деревенской девочки не было.

Виктория Ладыгина, 14 лет

В те времена матери шили своим дочерям куклы из лоскутов материи. Даже разбитые случайно чашки и блюда не выбрасывались, а доставались детям. Это была их игрушечная посуда – бобки. Куклу девочка любила так, что даже спать ложилась вместе с ней, кладя ее рядом с собой на подушку. Слух об этом событии мигом обошел деревеньку Южный Двор, и девчонки со всех подворий потянулись к нам. Юные мастерицы помогали подружке наряжать ее со-

кровище: шили платья, заплетали банты в косы. Мальчишкам куклу показывали одетую и причесанную; потрогать ее разрешалось только мне – младшему брату, и то с условием, чтоб я перед этим обязательно помыл руки с мылом. Часто Светлана играла одна, закрывшись в маленькой горнице – спальне, она обустроила в укромном уголке уютный домик для Кати. Домик этот освещался огарочком восковой свечи.

Детская игрушка была изготовлена из легко воспламеняющегося, сверхгорючего материала. Вероятно, изготовители столь дефицитного товара были уверены, что дети с огнем не играют. Такая беспечность чуть не стала причиной ужасной трагедии. В то памятное пригожее утро бабушка возилась со стряпней у печи. К нам в избу зашел мужчина – тракторист из полеводческой бригады – и попросил водички. Мама моя подала человеку ковш с родниковой водой, и они, беседуя, присели вдвоем на лавку. Сестричка Светлана быстро позавтракала со мной за столом и убежала к своей Кате. Разговор взрослых уже заканчивался, как вдруг из спальни раздался сдавленный детский крик: «Мама!» Мать распахнула туда дверь и отшатнулась – из горницы полыхнул ад. Горели пламенем тюлевые занавески на окнах, горел марлевый полог над кроватью, огонь зигзагами бежал по обоям к потолку. Женщина снова сунулась в этот кошмар, схватила пылающую куклу и швырнула ее в избу. Огненный шар, рассыпая искры, упал на пол. Мужчина домоткаными половиками загасил его и кинулся на помощь хозяйке; вдвоем они вытащили из-под кровати испуганную девочку и, бросая горящие вещи вниз, топтали их ногами. Пожар удалось остановить. Мать, вся в копоти и саже, не помня себя, набросилась на дочку, пытаясь отлупить ее чем попало. Но ей не дали это сделать. Она опомнилась и, рыдая, прижимая девочку к груди, неистово целовала ее.

От куклы осталась одна нога. Мать выбросила ее вместе с обгоревшими половиками на задворки дома и присыпала землей. Через день я украдкой разворошил захоронение, но там

было пусто – нога исчезла. Мне нетрудно было догадаться, куда именно она подевалась и кто к этому причастен. В сарае, примыкающем к дому, пустовал старый, никому не нужный курятник. И вот в одночасье это строение облюбовала стайка девчонок. Я выбрал момент, когда они все отлучились, и проник в их дом. Мои предположения подтвердились: Катина нога была здесь, только теперь это была уже не часть тела, а новая игрушка. В верхней, самой широкой ее части юные фантазерки черной тушью нарисовали глаза, брови и ресницы, а красной тушью вывели губы и румянец на щеках. У бегающей по деревне белой козы был отрезан клочок шерсти, постиран и приклеен к голове. В результате этих манипуляций получилась румяная и чернобровая блондинка Катя.

Мое любопытство было прервано раздраженным сопением за спиной. Четыре девочки мрачно смотрели на меня. Сестра шагнула вперед: «Выследил все-таки. Ну ладно. Но если ты кому-либо об этом разболтаешь, то учти, я расскажу маме, где ты прячешь гильзу от охотничьего патрона и пулю от винтовки». Одна из девочек, держа тряпкой пучок свежей крапивы, добавила: «И если ты сейчас не уберешься вон отсюда, то всю эту крапиву мы затолкаем тебе в штаны». Я спорить не стал и благоразумно удалился.

1 сентября Светлана пошла в школу. Первоклассникам разрешалось приносить с собой в класс одну-две игрушки и играть в них на переменах, но у девочки в портфеле лежали только учебники: мать по утрам сама все проверяла.

Иногда мама, когда бабушке было некогда, брала меня днем в школу на занятия, а мне очень хотелось посидеть со старшей сестрой за одной партой. Однажды я оказался случайным свидетелем трогательной, грустной сцены. Дети четвертого класса писали диктант. Учительница, читая текст, ходила по классу. Вдруг из парты сестры что-то выскользнуло и глухо ударилось об пол. Учительница нагнулась и подняла предмет – это была

самодельная кукла. Ученица съежилась, дети замерли, ожидая гнева преподавателя. Но мать разгладила платице на кукле и отдала игрушку дочери: «Будь осторожней». Затем она подошла к окну и обхватила лицо руками. Ученики застыли в замешательстве – их строгая учительница плакала.

Деревенская школа размещалась в бывшем поповском доме, и главными окнами она смотрела в сторону величественной Никольской церкви. Над куполами храма, над вершинами высоченных елей церковного посада кружили сотни светлых черных птиц – галок, их многоголосый шум действовал на людей угнетающе, напоминая им о бренности бытия в этом бескрайнем и очень сложном мире. Слезы матери понять можно. Отец ушел из семьи, когда мы с сестрой были совсем еще маленькие. Он уехал куда-то далеко-далеко в поисках лучшей доли, а нас оставил выживать вместе с мамой. Вот так и жили мы на зарплату сельской учительницы да на мизерную пенсию бабушки, выделенную ей государством за погибших на войне троих сыновей. Какие уж тут игрушки! На настенном календаре 1953 года были отмечены красным карандашом наши с сестрой дни рождения: Светлане 7 июля – семь лет, Саше 16 июля – четыре года. Заголовки статей на первой странице газеты «Пионерская правда» сообщали всему миру, что дети советской страны – самые счастливые дети на земном шаре! И это действительно было так: мы, люди того времени, верили в будущее и радовались тому, что живем на свете.

Светлана, обучаясь уже в старших классах, тайком от всех долго еще играла в куклы, но училась хорошо. Ее любимица Катя выполняла в этом детском «гареме» роль няни и старшей сестры.

*Александр Васильевич Шкода, 1949 г. р.,
г. Петрозаводск*

НАША ТАМАРА

Фото из личного архива

В нашем старинном доме в деревне Мунозеро почетное место на комодѣ занимает кукла Тамара. Ей уже около 70 лет!

Я родилась в 1949 году, и, как вы понимаете, в то время никаких игрушек у деревенских детей не было. Я донимала маму просьбами сшить мне хоть тряпичную куклу. Но у мамы много времени занимали дела по хозяйству, и она неизменно отвечала поговоркой: «Погодите, детки, дайте только срок! Будет вам и белка, будет

и свисток!» Мы придумывали другие игры, насколько позволяла детская фантазия.

Однажды к нам в гости приехал из Кондопоги дядя Толя, мамин брат. Все радовались городским гостинцам, но для меня самым счастливым был момент, когда он подал мне большую коробку. Я помню, как с трепетом открыла ее и увидела настоящую куклу, очень красивую! Я назвала ее Тамара, и она прожила со мной всю долгую жизнь, с ней играли все наши дети и внуки. Кукла Тамара является хранительницей нашей семьи и каждую весну ждет нас в родном доме.

*Галина Владимировна Некрасова, 1949 г. р.,
г. Медвежьегорск*

ДЕРЕВЯННЫЕ ИГРУШКИ

– Всё девки, да девки, Ужо цётыре народилосе! Ав-вой! Да цьто ж мни-ка Боже наследника, сыноцька ни спосылат! – с обидой в голосе и огорчением, с досадой на всё и всех выговаривал папенька, принимая из рук бабки повитухи кулѣк с новорожденной дочуркой.

– Да, сцясливой ты, Василий. Не смурьсе, ить и не столкушь, чьто в девках тѣби отрада да радость бóльша будѣ, парней потудые-ка народите, каки ваши годы – выговаривала повитуха с серьёзным видом, успокаивая тем самым моего родителя.

– А коняки твоѣи да свистелки и девкам сгодняце – добавила с ухмылкой она, тем самым подлив горечи в и так плохое его настроение.

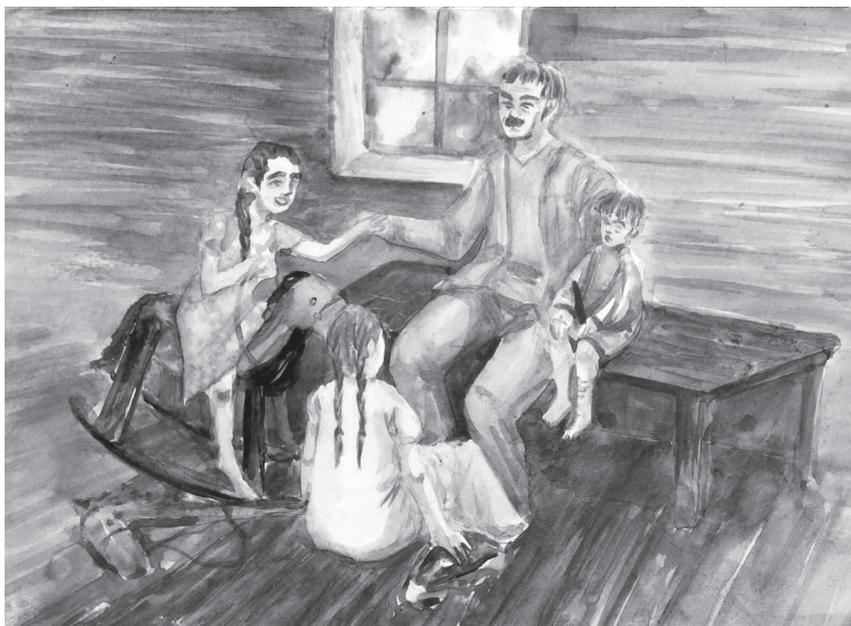
Я в семье была пятым ребѣнком. Хорошо помню бабу Анну, повитуху. Бегая по деревне с ребятами, мне часто приходилось от неѣ прятаться, потому что, она, завидя меня, всё спрашивала, хорош ли у меня пуп. Могла задрать платье и посмотреть. Мама объяснила мне, что эта бабуля всем на деревне ребятишкам помогала родиться и перевязывала им пуповину, поэтому она у всех ею принятых детей осматривала пупы.

– Этака прищюда под старось слуцилась с циловеком, вы ю ни бойтисе, ёна хороша, у мня токо шостерых робыт приняла на руки, а в округе почитай всим подсобила, – объяснила мама поведение бабки Анны.

В семье народилось восемь детей: пять девочек и три мальчика. Так уж получилось, что парней пришлось долго ждать, они в очереди на этот свет оказались после сестѣр. Молодой, ещё тогда бездетный мой отец, как только узнал, что жена, моя мама, понесла, начал мастерить игрушки будущему чаду.

Мастером он был справным, рукастым на все дела по дереву, по бересте и глине. Сразу ему схотелось коня-качалку смастерить, и когда родилась дочка, расстроился, но не очень, так как это был ребёнок-первенец. Коня переделал на лошадку, ярко покрасил, хомутик приладил и уздечку красивую вдел. Из бересты смастерил свисток, в который сам часто посвистывал. Первые его игрушки были на вид неказистые, но прочные. Коней да лошадок в семье оказалось несколько разных размеров и окрасов. Свистульки тоже разные получались в виде простых дудочек и птичек. С коняк-лошадок мальчишки, подрастая, пересаживались на других лошадей-палок и скакали, держа деревянную палку промеж ног. Смех с них!

Были отцом сделаны нам ходули, во дворе ребятишками мы на них ходили наперегонки. Все игрушки для нас были

Александра Завилейская, 15 лет

самоделками, сделанными отцом. Куклы из тряпок, маленькие и большие. Передавались игрушки по наследству, но разница в возрасте у нас в полтора-два года, поэтому мы дрались из-за них часто, хотя куколок, лошадок, свистулек было много отцом сделано. Мы с сестрой играли в куклы до восьмого класса. Сейчас это смешно вспоминать, но это так и было.

На вышке, в сундуке, долго хранились несколько свистулек, несколько деревянных кукол и первая лошадка-качалка, на которой покачались и наши дети. Папа достал её, когда появился первый внук. Помыл, почистил, освежил. Потом она во дворе долго простояла с приделанными санями, как памятник детству. У нас в детстве не было ни одной игрушки из магазина, я даже не знаю, были ли они там. Наверное, что-то продавалось, но я помню только игрушки, сделанные отцом и сестрами, которые все были старше меня. Да, свистеть в дудки или свистки в доме отец не разрешал, веря в примету, что свист в доме всё высвистит и принесёт безденежье. Однажды, выпив крепко, все наши свистульки он выбросил в печь, но протрезвев, сделал новые, в виде птичек. Вот такие у нас в детстве были игрушки.

У меня на полке стоит совушка, свистулька, купленная на ярмарке, в фестивальные дни фольклора, проходящего в Умбе. И я купила ее в память о своей совушке из детства, сделанной отцом, они очень похожи. Вот такая история.

*Галина Васильевна Маслова, 1952 г. р.,
г. Петрозаводск*

СОВЕТСКИЙ РАЗВЕДЧИК

Наши родители поженились в 1947 году, а 25 декабря этого же года в Петрозаводске родился мой брат Виктор. Через год и три месяца родилась сестра Нина, уже в деревне Пегрема, до моего рождения оставалось шесть лет. Витя и Нина были погодками, росли и играли вместе. Сестру бабушка называла «парнёвицей», потому что следом за братом она играла во все парнёвские игры. В то время была у ребят любимая игра в войну. Играли по всем правилам, в «наших» и «не наших», вооружение – деревянные ружья и пистолеты – делали сами войны. Ребята постарше мастерили поджиги, за которые попадало от взрослых. Во время военных действий нужно было найти вражеский штаб и уничтожить его, чья армия это сделает, тот и победитель.

Однажды брат Виктор поручил Нинушке внедриться к «не нашим», все разузнать и доложить. Нина с заданием справилась, победа была за братней армией, но сестренку ребята стали обзывать предателем и шпионом, хоть из дому не выходила. Когда бабушка это услышала, она грозно и веско сказала: «Почему шпион? Не шпион, а советский разведчик!» Инцидент был исчерпан. Война войной, но были и мирные игры: лапта, щилец, кислый круг и другие. Малыши играли в дом, используя разные черепки, ненужную посуду, природные материалы. Развивалась фантазия, все действия в игре копировали деревенскую жизнь взрослых.

Когда я уже была «в толкú», было мне лет пять, наблюдала, как сестра с подружкой играют в дом на задворках. Там были две неотпиленные половицы из сарая, и на этом навесе они и располагались, а меня не пускали, я играла внизу, у теплой

Ангелина Ефремова, 12 лет

хлевной стены. Позднее мне бабушка сделала домик маленький с окошечком, столиком, лавочкой, где я и домовничала, здесь впервые играла покупной детской посудкой и берегла ее как зеницу ока. Там были алюминиевые кастрюлька с крышкой, сковородка и тарелочки. Однажды, обедая дома, я увидела из окошка соседскую девочку Валю с моей кастрюлькой в руке, она бежала от нашего дома к своему. Неизвестная сила подняла меня из-за стола, бросив ложку, в одних чулках я кинулась за ней. Не догнав, забежала к ним в дом и, несмотря на свою стеснительность, потребовала отдать посудинку. Отец Вали велел ей отдать. Я гордо принесла домой свою кастрюльку.

Сестра Нина с подружкой Верой умудрялись играть на скалистых террасках на горе Щельге и гоняли меня оттуда. Реквизитом игр служили камешки, цветы, мох, самодельные куколки. Кукол бабушка и мне делала, волосы у них были

из льняной кудели, эти тряпичные куклы были такие любимые! Крестная привезла мне из города в подарок настоящую куклу Катю, красивую очень, страшно было в руки взять такую красоту. Сестра с подругой иногда тайком играли с Катей, они считались уже большими девочками.

Странно, но мне кажется, мы не испытывали дефицита в игрушках, воображение и детская фантазия не давали скучать. А еще книги. Брат, сестра, а потом и я очень любили читать, хотя в доме книг было мало, но в школе была хорошая библиотека и замечательная учительница Валентина Тимофеевна Моисеева, которой я благодарна за любовь к книге, пронесенную через всю жизнь.

Смотрю на играющих внуков: как много у них игрушек, красивых и разнообразных, радуюсь за них и мечтаю, чтобы пора детства была для них счастливой и незабываемой!

*Валентина Ивановна Росликова, 1955 г. р.,
п. Ламбасручей Медвежьегорского района*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. Романова.</i> К читателю.....	3
<i>С. Анищенко.</i> Главные игрушки моего детства	4
Глава 1. Довоенное детство	5
<i>А. Красовская.</i> Уголок в саду	5
<i>О. Галашева.</i> Уточка резиновая	8
<i>Т. Андрианова.</i> Утюжок	10
<i>А. Зиновенко.</i> Сказочный домик	12
<i>Е. Хлебина.</i> Подарок	14
Глава 2. Военное детство	15
<i>О. Завилейская.</i> Как бумажные куклы танцевали	15
<i>А. Егорова.</i> Мурашка	19
<i>И. Рябкова.</i> Велосипед	21
<i>Т. Тулякова.</i> Подарок от брата	23
<i>Г. Иванова.</i> Как Мишка меня спас	24
<i>Н. Мартынова.</i> Подарки от союзников	26
<i>А. Мишина.</i> Моя жизнь на станции Малошуйка	29
<i>Л. Зуева.</i> Панки	32
<i>Е. Фотеева.</i> Тряпичная куколка	35
<i>С. Анищенко.</i> Ляля и Бобка. Белый слоник из 41-го	38
<i>Л. Конева.</i> Моё военное детство	45
<i>С. Соколова.</i> Сказки со счастливым концом	48
<i>Ю. Шабанова.</i> Жёлтый утенок и куколка с мизинчик	50
<i>А. Кочнева.</i> Мячик из коровьей шерсти	53
<i>Б. Прохоров.</i> Выдумщики	55
<i>В. Смирнов.</i> Шары от бильярда	57
<i>Т. Фомичева.</i> Глиняный петушок	59
Глава 3. Послевоенное детство	61
<i>Т. Поспелова.</i> Спасибо, деревня!	61
<i>В. Клевина.</i> Детство в Суйстамо	65
<i>В. Попов.</i> Арсенал	70
<i>Г. Пантелеева.</i> Мои соломенные куклы	71
<i>В. Соловьева.</i> Пупсик	73
<i>А. Шкода.</i> Кукла Катя	76
<i>Г. Некрасова.</i> Наша Тамара	80
<i>Г. Маслова.</i> Деревянные игрушки	81
<i>В. Росликова.</i> Советский разведчик	84

Литературно-художественное издание
НАШИ НЕЗАБЫТЫЕ ИГРУШКИ
Воспоминания

Редактор: *Елена Павловна Романова*
Корректор: *Елена Викторовна Башловка*
Дизайн и верстка: *Марина Ивановна Фёдорова*
Рисунок на обложке: *Ольга Петровна Завилейская*

*В оформлении сборника использованы рисунки детей
МБОУ ДО «Медвежьегорская школа искусств»*

6+

Подписано в печать Формат 60/84^{1/16}
Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,88. Заказ №
Типография????
г. Петрозаводск